

Обряд на крови

Автор:

Сергей Зверев

Обряд на крови

Сергей Иванович Зверев

По-разному сложились судьбы у двух ветеранов Афгана – Александра Славкина и Андрея Мостового. Славкин ушел в банду отморожков, с которыми захватил нелегальный алмазный прииск в тайге и принялся терроризировать местный старообрядческий скит. Андрей Мостовой, живущий неподалеку в таежном захолустье, встал на защиту старообрядцев, объявив войну своему бывшему брату по оружию...

Сергей Зверев

Обряд на крови

Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее...

Лк. 9,24

© Ашарс В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

...Сидел на кромке голого скального выступа. Смолил подряд вторую сигарету, не замечая горечи во рту. Бездумно. Бесчувственно. Устремляясь безразличным взглядом внутрь...

- А морок[1 - Морок - затяжное ненастье (мест.)] идет, Андрюша! Язви его! - озаботился Семеныч, сердито и решительно потряс за плечо. - Не ровен час в верхах прихватит - намытаримся...

- На... мы... таримся, - повторил за стариком врасстяжку, с раздумчивым придыханием, словно пробуя слово на вкус.

Тяжело поднялся. Поддержнул за ремень лежавший рядом автомат. Забросил его за плечо и шагнул... назад...

Славкин

- Ну и на кой ты их отпустил? Опять какую-то комбинашку затеял?

- А что нам этих троих чернозадых «джигитов»-джанов, уважающих «Арарат», для убедительной картинки не хватает? По-моему - за глаза...

- Да ладно, колись уже... Я ж тебя как облупленного знаю...

- Да куда они не денутся... У них же маячки - в прикладах...

- А по пути стволы не скинут?

- Не должны... Тайга же все-таки... Да пусть и сбросят... Я ж подстраховался.

- Ну ты и жучила!.. И их, и кержаков зачистить сразу - махом...

- А что мудрить?.. Пускай дотопают, а там - по «маячку» - и вся недолга...

Краев, пряча под нос кривоватую ироничную усмешку, вытянул из протянутой Саней пачки «Петра» сигарету, неторопливо размял ее в сильных мосластых пальцах с плоскими квадратными ногтями и, приподняв глаза, мазнул напарника ехидным взглядом:

– И как, старичок?.. Корешка-то не жалко?

– Жалко, Илюша... – у пчелки в жопке, – жестко отбрил его Славкин. – И не лезь, куда тебя не просят. Понял?

– Да все. Все. Не заводись, – примирительно пробасил Краев. – Я и не лезу... Это ж не моя замута. Мое дело – сторона.

Славкин отвернулся. Посмотрел через повисшее в воздухе сизое облачко едкого сигаретного дыма в лежащую под ногами глубокую лощину, где возле распластавшей широкие лопасти недвижимых винтов камуфлированной вертушки несуетно сновали затянутые в черное фигурки «спецов», и, отступив на пару шагов в сторону от края обрыва, присел на замшелую, вросшую в землю колодину. С уже потерявшим остроту, пошедшим на спад раздражением дослушал удаляющийся хруст валежника под сапогами Краева, сорвал сухую травинку и машинально сунул ее в рот: «Уже борзеть помалу начинают, замудонцы. Пора, наверно, слегка и гайки крутануть». Поднял глаза. Ухмыльнулся и, вспомнив о «благодушно» «отпущенных на все четыре стороны» свидетелях, тихо, но твердо добавил: «А тебя, Андрюша, корешок ты мой ненаглядный, я, конечно же, доберу. Придется добрать[2 - Добрать – найти и убить подраненного зверя (охотн. сленг)]. Уж тут не обессудь. Такие правила. На войне, как на войне... Наивняк. Дурашка. Простофиля».

Андрей

Быстро, на глазах, стемнело. Черная беспросветная мгла со всех сторон окутала тайгу, и она притихла, буквально омертвела в предчувствии жуткого затяжного ненастья, словно отбитый от матери насмерть перепуганный тигренок под наброшенной на него звероловами суровой непроглядной холстиной. А через четверть часа с ходу, в мгновение ока, налетел, набросился на нее с истошным озверелым воплем мощный шквалистый муссон. Затряс, замотал, забил в

лихоманке, легко, как былинки, выдирая из земли с корнем неохватные подгнившие лесины, вздымая высоко в воздух перемешанную со снегом опавшую листву, древесную труху, обглоданные временем колодины, сухой валежник, с каким-то неистовым ожесточенным упорством нагромождая ввысь и без того непролазные, густо перевитые лианой старые буреломы.

Им крупно повезло. Буквально за несколько минут до начала урагана набрали на узкую, не больше полуметра, но сравнительно глубокую щель в отвесной базальтовой скале. Достаточно глубокую для того, чтобы с минимальным комфортом переждать ненастье, укрыться от сумасшедшего ветра и пронизанного крупными градинами ледящего дождя, с тонким разбойным посвистом несущегося почти параллельно земле.

Кое-как опустившись на корточки (широко расставленные колени все равно упирались в камень), Андрей Мостовой крепко сжал в руках цевье поставленного между ног автомата, откинулся спиной на стену и плотно сомкнул веки.

Гадко было у него на душе. Тяжело и гадко, как и всегда бывает, когда неожиданно столкнешься с чьей-то откровенной подлостью. Да к тому же исходящей не от какого-то совершенно чужого тебе человека, а от действительно близкого, знакомого с давних пор, от которого, казалось, ничего, подобного этой самой подлости, и ожидать-то не приходится.

Семеныч, понимая состояние Андрея, чувствуя, что творится у того внутри, пустыми разговорами его не донимал. Сидел, тихонечко примостившись рядом. И дышал-то через раз, совсем неслышно, боясь ненароком потревожить. Но доброе утешающее отеческое тепло его плеча словно понемногу заживляло рану на душе Мостового, исподволь удерживало Андрея от бурного выплеска давно забродившей дичайшей злости.

«Эх, Санек, Санек, – играл желваками Андрей, – какой же все-таки паскудной сволочью ты на поверку оказался?! И давно, похоже, скурвился, давно... если без малейших видимых угрызений совести решился на такое? Развел нас с дедом, как последних лохов, да еще и с такой непередаваемой непринужденной легкостью? Вот же режиссер, блин, гребаный! Все ведь рассчитал, все продумал? От первого и до последнего акта... До последнего? – резко распахнул глаза и нахмурился: – Что-то не слишком это тянет на последний? При такой-то

сложной многоходовой комбинации?.. А стоило ли вообще огород-то городить?.. Что-то здесь не так? Что-то тут не вяжется, не срастается? Могли ведь они спокойно и без нас это все обтяпать? Естественно, могли! Мы же с Семенычем для них – только лишняя ненужная обуза?»

По всему выходило, что они со стариком во всей этой затянувшейся таежной алмазной «эпопее» – только сбоку припека, но что-то мешало Андрею согласиться с очевидным. Абсолютно не верилось ему, что начисто лишенная каких-либо сантиментов, гнусная бездушная «система», к которой, как выяснилось, и принадлежит теперь со всеми потрохами его старый «дружище» Славкин, могла бы допустить такую непозволительную, ничем не оправданную вольность: разрешить тому задействовать в сложной операции по экспроприации драгоценных камешков абсолютно ненужных, сторонних людей. Мало того – еще и после ее завершения без всякой насущной надобности оставить в живых этих опасных свидетелей. «Значит, – рассуждал Мостовой, – мы с дедом – вовсе не сторонние? А если так, то получается, что мы все еще топчем землю лишь потому, что не до конца доиграли написанную для нас роль... Но чем же еще мы можем им быть полезны? Что же еще нам с Семенычем надлежит доделать, чтобы в полной мере «заслужить» по контрольному выстрелу в затылок?»

Задумался над этим, и стало ясно – для того, чтобы ответить на этот вопрос, придется неторопливо и тщательно разматывать весь «клубок» без остатка, начиная с того самого момента, когда он впервые узнал о существовании этого сволочного, упрятанного в глухой тайге алмазного прииска. Придется вспоминать, долго и скрупулезно выстраивать в строгом хронологическом порядке все, что произошло с ним за последние без малого четыре года. И снова, как в страшный омут с головой, окунаться в прошлое. Возвращаться туда, как бы это ни было тяжело, как бы ни было невыносимо больно. «Но есть ли в этом хоть какой-то смысл?! – сжалось все в груди у Андрея. – Не пустая ли это затея? Да и возможно ли вообще найти первопричину всей этой долгой страшной кровавой мешанины?»

А годы эти были для него действительно страшными. Какая-то сплошная черная полоса, какая-то нескончаемая вереница бед. Другому бы, наверно, и на десяток жизней с лихвою хватило...

После увольнения из армии по сокращению штатов, чем только он ни занимался, чтобы семью прокормить. И таксовал, и челночил, и дикоросы в тайге

промышлял. Ничем не гнушался. Ума, правда, хватило, чтобы ни в какие сомнительные дела не ввязываться. Решил для себя сразу и бесповоротно – только своим горбом, кровью и потом копейку заколачивать. И жизнь вроде как стала понемногу выправляться, налаживаться. Не так, чтобы с избытком, но на самые необходимые насущные семейные нужды денег уже вполне хватало. Казалось уже, что так и будет впредь – день ото дня все лучше, все стабильнее. Но не тут-то было. Все это хрупкое благополучие рухнуло и разлетелось на мельчайшие осколки в один злосчастный, злополучный день...

Андрей подрядился заготавливать кедровый орех. Благо и год выдался на редкость урожайным. Только паши, не ленись, и «счастье тебе непременно будет», как друзья балагурили. Вот они и пахали себе мирно втроем с Серегой и Петровичем. Но закончилось это жуткой кровавой драмой...

Предприниматель, на которого они работали, угодил в переплет криминальных разборок, и его «работяги», естественно, стали первой разменной монетой, приняли на себя первый удар конкурирующей группировки, претендующей на главенство в районе. Мостовому, единственному из троих членов бригады шишкарей, лишь по счастливой случайности удалось выжить во время налета бандитов на зимовье. Тяжело раненным, он бросился в тайгу, спасаясь от погони. И ему снова повезло. На помощь пришел Иван Семеныч Крайнов, добрый и отзывчивый старик. Он притащил обессиленного, впавшего в беспамятство Мостового на волокуше в поселок. Вместе с местной фельдшерницей Таней Осиповой они спасли Андрея от неминуемой гибели.

Ценой невероятных усилий удалось им тогда выжить, выбраться из затянувшейся кровавой передраги, и, пройдя через ад, они стали действительно близкими, сроднившимися друг с другом людьми.

По суду Мостовой все-таки получает условный срок, ведь отстаивая право на жизнь, он был вынужден пойти на непреднамеренное убийство. Но и этого вполне хватает для того, чтобы его жена, даже не попытавшись вникнуть в тонкости его таежных злоключений, подала на развод, не желая связывать свою дальнейшую жизнь с «отпетым уголовником».

Постепенно между Андреем и его спасительницей Татьяной Осиповой возникает настоящее чувство. И через полгода после кровавой драмы, зарегистрировав в сельсовете свои отношения, они вместе с Семенычем уезжают из поселка, отныне связанного для всех троих с непереносимо тяжелыми воспоминаниями.

Перебираются в новый дом, построенный на арендованной в приграничной полосе земле. Спокойная, размеренная жизнь с Танюшкой и Семенычем в заповедной благословенной тишине безлюдного пограничья становится для Андрея после произошедшей с ним трагедии долгожданной и вполне заслуженной наградой за перенесенные мучения.

Безмятежные, безоблачные дни, похожие один на другой, как близнецы-братья. Совершенно безликие, но до самого края наполненные светом и любовью.

Тогда они были твердо уверены в том, что черная полоса в их жизни – безвозвратно позади, что больше ничто и никогда не сможет разрушить их простое и непритязательное человеческое счастье и снова отправить в черную бездну безнадежного отчаяния. Но как же быстро, как же ужасно все закончилось?!..

Глупая и внешне совершенно обыденная ссора Андрея с китайскими рыбаками, внаглую ведущими промысел у российского берега Уссури, становится отправной точкой новой и теперь уже поистине нескончаемой черной вереницы бед. Они похищают его жену Татьяну. Но зачем? С какой целью? Не слишком ли высокая плата за проявленную принципиальность в обыкновенном бытовом конфликте? Он мечется, теряется в догадках. Прозрение наступает не сразу, а только в тот момент, когда на «сцене» появляются совсем другие, жесткие и циничные, лица, ничуть не похожие на простоватых трудяг промысловиков. Они предъявляют Андрею ультиматум: возвращение жены в обмен на участие в их грязном наркобизнесе. И Мостовой безропотно, сразу же соглашается на все их условия. Тут же, не задумываясь о последствиях, берется вывезти через КПП из приграничной зоны «посылку» с наркотиками, еще наивно полагая, что таким нехитрым способом он сможет вернуть себе любимую женщину. Встреча с российским наркокурьером заканчивается для Андрея самым неожиданным образом. После «любезно» предоставленного ему телефонного разговора с Татьяной и новых туманных обещаний по поводу ее освобождения его зачем-то «отключают». Придя в сознание, он возвращается домой за «колючку» и только тогда понимает, что даже добросовестной и долгосрочной «пахотой» на своих новых работодателей не сможет купить у них свободу своей жены.

Ему приходится рассказать о произошедшем начальнику заставы Сергею Ковалеву, с которым за время проживания в приграничной полосе у них уже сложились достаточно тесные товарищеские отношения. Произведя тщательный

осмотр машины Мостового, Ковалев находит очередную «передачку» (теперь уже – в обратную сторону), которую Андрей перевез через КСП, даже не подозревая о ее существовании. В ней оказывается увесистая пачка долларов и психотропные вещества.

Проведенная пограничными «спецами» успешная операция по задержанию прибывших с китайской стороны «приемщиков», зарождает в душе Мостового новую призрачную надежду на скорое освобождение его жены. Ведь ситуация, в его представлении, кардинально изменилась – теперь у погранцов есть серьезные козыри на руках. Да и сам начальник особого отдела отряда полковник Мальков клятвенно заверяет его в том, что в самом ближайшем времени путем обмена заложниками неприятный инцидент будет благополучно разрешен. Но время идет, а дело совершенно не сдвигается с мертвой точки. Красивые заверения фээсбэшника выходят на поверку голым пустословьем. И тогда Андрей с Семенычем, потеряв терпение, невзирая на настойчивые увещевания Ковалева и Малькова, бросаются на самостоятельные поиски российского наркокурьера, от которого Андрей получил первую «посылку».

Их долгие потуги приводят наконец к успеху – им удается вычислить и «схомутать» причастного к наркотрафику уголовника, который на «допросе с пристрастием» рассказывает о существовании в глухой тайге базовой лаборатории, где производится предназначенная для отправки в Китай «дурь». В голове Андрея зарождается план: проникнуть в бандитское логово и разжиться там чем-нибудь весомым, представляющим действительную ценность в глазах бандитов, чтобы впоследствии использовать этот «аргумент» при «оплате» за освобождение Татьяны. Понимая, что попытка пробраться вдвоем да без серьезной подготовки на хорошо охраняемую «базу» – верх безрассудства, Мостовой опять вынужден обратиться за помощью к Ковалеву. Во время телефонного разговора, в ходе которого начальник заставы неожиданно легко соглашается принять в предстоящей «операции» самое непосредственное личное участие, они договариваются о встрече. Оставив Семеныча и пленного уркагана на реке, Андрей идет на место randevу, но вместо Сергея сталкивается там со знакомым местным участковым капитаном Омельченко. Однако старый знакомец ведет себя совсем неадекватно: он изымает у Мостового паспорт и под дулом пистолета отвозит задержанного в поселок якобы для установления его личности. Здесь Андрею предъявляется шитое белыми нитками, совершенно абсурдное обвинение в изнасиловании малолетки. «Работает» участковый грубо, топорно, явно надеясь на чью-то высокую поддержку. При первом же удобном случае Андрей решается на побег из-под стражи, но снова попадает в глубокий нокаут.

После «пробуждения» Мостовой узнает от Бельдина, скользкого сладкоречивого типа в «прикиде» медработника, что он находится в качестве «гостя» на той самой таежной базе, куда он и надеялся проникнуть, но только в другом качестве и другим способом. Но только теперь, после обращения за помощью к пограничникам, положение его значительно усложнилось, а освобождение его жены Татьяны по его вине, естественно, отодвигается на неопределенный срок. Однако Андрей, уже наученный горьким опытом, больше не верит никаким бандитским обещаниям. Он теперь рассчитывает только на свои силы и намерен бороться до конца.

Через некоторое время в «камеру» к Мостовому подсаживают Семеныча, также угодившего в лапы братвы.

В очередной раз доставленный для «задушевного разговора» к Бельдину, Андрей делает вид, что безоговорочно принимает навязанные ему правила игры. Путем искусного лицедейства ему удается уверить Бельдина в своей абсолютной лояльности, в том, что отныне он не намерен совершать никаких необдуманных, опрометчивых поступков, а будет лишь в точности выполнять все, что от него потребуют. Умиротворенный минорным тоном «дружеской» беседы с пленником, Бельдин, в конце концов, окончательно утрачивает бдительность и глупо подставляется. И Андрей в полной мере использует предоставленный ему судьбою шанс.

Дальнейшие события принимают необратимый характер. Прихватив ценного в их понимании заложника, понимая, что путь домой в данный момент для них безусловно отрезан, с большим трудом оторвавшись от бандитской погони, они с Семенычем все глубже и глубже уходят в глухую тайгу.

На первом же привале, после первого мало-мальски серьезного нажима пленник «колется». Он рассказывает о том, что «база», которую на местном уровне курирует мэр Зареченска, а на краевом – губернатор, это в первую очередь нелегальный алмазодобывающий прииск. А производство психотропной «дури» и ее последующий своеобразный «обмен» на произведенную в Китае «кислоту» – всего лишь его, Бельдина, личный побочный бизнес, налаженный на пару с начальником охраны без ведома местных и московских «хозяев». Кроме того, на свой страх и риск в нем принимает участие крупный предприниматель Ван Дэнлао, имеющий к тому же статус «официального» представителя китайской стороны в совместном российско-китайском криминальном алмазодобывающем

предприятию. Именно тот, проявив свою «тупую» единоличную инициативу, и приказал выкрасть жену Мостового, чтобы с помощью примитивного шантажа вынудить Андрея стать очередным курьером для переброски «товара» через границу. Сообщает «врачилка» и еще одно крайне неприятное для Андрея известие – жизнь его, Бельдина, в глазах высоких «хозяев» да и того же Ван Дэнлао не стоит и ломаного гроша, а значит, надеяться обменять его на Татьяну – совершенно пустая затея.

В таежных дебрях, столкнувшись по неопытности с недавно опоросившейся, оберегающей свое потомство кабанихой, Бельдин получает серьезное ранение. Андрею и Семенычу приходится тащить его по таежным дебрям на волокуше. На счастье заложника, когда его уже окончательно разбивает «лихоманка», они встречают кержака Елизара, и тот приводит их в потаенный скит. Здесь Андрея и Семеныча определяют на постой к живущему на отшибе Трифону, отселенному из скита после тяжелого грехопадения, который, как следует из его последующих откровений, тоже имеет к бандюкам с «базы» свой личный счет. По его словам, он на пару со своим другом Егором еще задолго до появления прииска «старался», «мыл втихаря камешки» на этом месте. После того, когда «злыдни все колючкой обнесли», промысел пришлось прекратить, но Егор, не справившись с искушением, все-таки продолжил в одиночку бутарить[3 - Бутарить – вести добычу золота и драгоценных камней с помощью бутары – примитивного промывочного станка.], за что, в конце концов, и поплатился собственной жизнью.

Поддавшись на уговоры Елизара, выражающего резонное опасение, что бандиты с прииска, ведущие настойчивые поиски беглецов, в конце концов, выйдут к скиту и неминуемо ввергнут его обитателей в страшный грех смертоубийства, Андрей с Семенычем и подвизавшийся к ним «холодный»[4 - «Холодный» кержак – старообрядец по крещению, не признающий предписанных верой строгих самоограничений.] кержак Трифон решают нанести по «базе» упреждающий удар. Но по пути к прииску Трифон вдруг совершает досадную «промашку» – палит по козам из винтовки рядом с необстрелянным меринком. Испуганный конь шарахается в сторону, «несет» и попадает в устроенную в лудёве[5 - Лудёва – специальное, иногда в несколько километров длиной, ограждение из поваленных деревьев, предназначенное для ловли животных. На ее протяжении – несколько специально оставленных узких проходов с замаскированными ловчими ямами. На дне этих ям обычно – вбитые в землю заостренные на концах колья (охотн.).] ловчую яму. «Опрометчивый» выстрел Трифона наводит Андрея на серьезные подозрения в том, что тот тоже каким-то образом связан с бандитами, и после обстрела с неожиданно вышедшей прямо на них приисковой

«вертушки» Мостовой решает «прощупать» мутного кержак. Найденный в его подседельной суме спутниковый телефон окончательно укрепляет Мостового в его подозрениях насчет Трифона. Теперь он практически уверен в том, что скользкий заложный[б - Заложный – отвернувшийся от бога и заложивший душу антихристу кержак, сотворивший смертный грех, нарушивший заповедь «не убий», за что он навсегда отринут от общины и отпет заживо.] заодно с приисковыми бандитами, а это значит, что кровожадные «варнаки» не только легко отслеживают по «маячку» все их таежные передвижения, а и прекрасно осведомлены обо всех их дальнейших планах. Взвесив все «за» и «против», Мостовой приходит к неутешительному выводу: теперь, когда безвозвратно потерял фактор внезапности, им уже не остается ничего другого, как отказаться от намеченного нападения на «базу» и вернуться в скит. И вернуться как можно быстрее, ведь теперь жизнь ни в чем не повинных кержаков и находящегося под их опекой раненого Бельдина буквально висит на волоске.

Произведя тщательный обыск в хате заложного, Мостовой находит в подполе целый шпионский арсенал, и припертый к стенке Трифон сознается в том, что он давно «приставлен» присматривать за прииском и ему «не велено» допускать туда посторонних. Из этого следует, что он все же является скорее временным союзником, чем противником для Андрея и Семеныча. Однако, как ни пытается и дальше давить на него Мостовой, назвать своих настоящих «работодателей» упертый кержак отказывается наотрез.

Неожиданно прибывший в скит на вертолете бандитский десант вынуждает Андрея прекратить допрос и, отбросив на время всякие сомнения, в известной мере довериться Трифону и решиться на то, чтобы вместе с ним вступить в неравный бой.

Подслушав разговор Бельдина с прилетевшим начальником приисковой охраны, Мостовой делает для себя новое ужасное открытие – он узнает о том, что таежный скит давно «приговорен» и все его обитатели, как следует из циничных откровений гнилого «врачилки», всего лишь – его потенциальные подопытные «кролики», предназначенные для испытания на них очередной партии психотропного оружия, изготовленного в приисковой лаборатории.

В самый разгар «разборки» с бандитами на выручку Андрею, Трифону и Семенычу самым чудесным образом приходят неожиданно прилетевшие в скит на вертолете пограничные «спецы», во главе которых стоит «начальник особого отдела отряда» полковник Мальков, что, естественно, вызывает немалое

удивление у Мостового. Но чуть позже Андрей становится невольным свидетелем разговора, состоявшегося после боя между Мальковым и начальником заставы Ковалевым, и после неосторожно оброненных фээсбэшником слов, наконец, понимает, чем объясняется такая на первый взгляд неправдоподобная информированность и ретивость погранцов – погибший в последние минуты перестрелки Трифон «трудился» однозначно на их ведомство. А вполне возможно, что и персонально на Малькова.

Прощаясь с Мостовым, влюбленная в него дочь Елизара Глуша дарит Андрею намоленную ладанку[7 - Ладанка – маленький мешочек с каким-нибудь предметом, заговором (первоначально с ладаном), носимый на груди, как талисман.] и обещает, на всякий случай, если его мирская жизнь «когда-нито» окончательно зайдет в тупик, оставить для него особую метку – «знак на кедре», чтобы он мог при надобности узнать, куда ушел их скит с «навечи замаранного» места.

Начальник погранзаставы Серега Ковалев настойчиво пытается успокоить Мостового, убедить его в том, что операция по уничтожению бандитской базы вовсе не свернута, а находится в завершающей стадии разработки и непременно будет осуществлена в самое ближайшее время. Но Андрей больше ему не верит, предполагая совсем иное – начальство Ковалева просто-напросто путем какого-то хитроумного шантажа пытается снять сливки с нелегального прииска, получить с него свою личную весомую долю прибыли.

Ковалев сообщает Андрею, что его жена Татьяна уже освобождена из неволи и в данный момент находится на излечении в военном госпитале после не слишком опасной передозировки наркотиков, на которые ее посадили в Китае. Но радость Андрея преждевременна: по прибытии в госпиталь Мостовой узнает, что медикам так и не удалось ее спасти.

После смерти Татьяны, продав дом за «колючкой», Андрей с Семенычем возвращаются в Ретиховку и, поселившись в старой хате старика, долгое время живут как законченные бирюки, не поддерживая никаких отношений с односельчанами и только наедине друг с другом переживая свою страшную невосполнимую потерю.

Мостовой всеми силами старается обмануть Семеныча, уверить его в том, что давно благоразумно смирился со своей участью и вовсе не намерен сводить счеты с бандюками. И через какое-то время ему удастся усыпить внимание старика. Но на самом деле он и не думает сдаваться. План справедливой, изощренной, продуманной до мельчайших деталей мести постепенно зарождается и зреет в его голове.

Но теперь, ощущая гнетущую тяжесть внутри, Андрей больше не хочет убивать своих врагов и снова брать на душу страшный смертный грех. Отныне он будет их жестоко и беспощадно калечить, чтобы лишить всех радостей жизни, чтобы превратить эту их поганую гнусную никчемную житуху в настоящую пытку, в настоящий беспросветный ад. Приняв решение начать свою «вендетту» с местного куратора «базы» мэра Зареченска Сукоткина, Мостовой его оскопляет. А потом, сознавая, что с этой минуты ходит по лезвию бритвы, что шансов уцелеть у него уже не осталось, улетает в Санкт-Петербург, чтобы попрощаться с близкими людьми – бывшей женой и дочерью, а также побывать на могиле отца и матери.

На обратном пути Андрей «случайно» встречает на перроне железнодорожного вокзала своего старого сослуживца Славкина, с которым прошли далекие лейтенантские годы. И после рассказа Сани о его дальнейшей службе командиром разведроты в Афганистане, в свою очередь, делится с ним воспоминаниями о своих треклятых таежных злоключениях. Выслушав откровения друга, Славкин тут же изъявляет горячее желание немедленно подключиться к его справедливой «вендетте», аргументируя это тем, что имеет однозначно более богатый по сравнению с Андреем боевой опыт.

В Ретиховку они приезжают уже вдвоем. Приняв твердое решение больше не подвергать Семеныча смертельному риску, Андрей все же ощущает насущную необходимость в последний раз перед решающим «боем» повидаться с этим по-настоящему породнившимся с ним человеком.

Во время прощального обеда Славкин обнаруживает, что за домом ведется слежка. Он профессионально в несколько минут «снимает» наблюдателя и тут же принимается за его экстренное «потрошение». Попавший ему в руки хмурый кавказец после недолгих препираний сознается в том, что приставлен к ним местным уголовным авторитетом Самвелом Арутюняном. Но, когда от наблюдателя начинает поступать действительно важная информация, Саня вдруг неожиданно сворачивает свою «украшенную» качественным мордобоем

беседу с пленником и, надежно спеленав, оттаскивает его в лес. Вскоре, вынужденно прихватив с собой Семеныча, они на машине подряженного для этой цели местного жителя Шепитько уезжают из поселка.

Однако без проблем выскочить на федеральную трассу не получается. Приехавшие из города по звонку наблюдателя бандиты берут их в крутой оборот. Сменившему за рулем хозяина машины Славкину удается сбить с «хвоста» преследователей, столкнув их автомобиль в обрыв. Оторвавшись от погони, они прощаются с Шепитько и на перекладных добираются до районного центра Федосеевка, где на территории заброшенного военного гарнизона находится холостяцкая Санина «берлога».

Славкин уезжает в Зареченск, чтобы попытаться через своих друзей в ГОВД выяснить, как продвигается следствие по делу о покушении на Сукоткина. Исходя из полученной информации, он и намерен планировать их дальнейшие действия.

Не найдя в Саниной «берлоге» ничего съестного, несмотря на полученные от него «строгие инструкции», Андрей, оставив старика в квартире, идет за покупками. В гарнизонной столовой у него на ровном месте возникает конфликт с местной блатотой. На удивление быстро прибывшие по вызову буфетчицы пэпээсники, к полному изумлению Мостового, задерживают только его одного, отпустив настоящих виновников драки, явных уголовников, на все четыре стороны. Сразу же настораживает Андрея и тот факт, что старший наряда даже не пытается выяснить его личность непосредственно на месте происшествия, а с ходу отдает команду своим подручным грузить задержанного «дебошира» в «воронок».

На выезде из военного городка менты по просьбе неожиданно возникшего перед машиной и снисходительно отказавшегося от претензий «потерпевшего» уркагана Мостового освобождают, и у него на мгновение закрадывается смутное подозрение, что он участвует в хорошо срежиссированном спектакле. Но все же чувствуя за собою моральный долг за свое чудесное освобождение, а потому ощущающий потребность как-то его «отработать», а, кроме того, подсознательно желая хотя бы в какой-то степени прояснить для себя возникшую на ровном месте опасную ситуацию, Андрей соглашается с предложением «благодетеля» пойти к тому «на хату», чтобы без лишних глаз «перетереть накоротке» в поиске «общей темы».

На «хате», дабы скоротать время до обещанного уркаганом скорого прихода «пахана», ему предлагают сыграть в карты. «Базар» при этом идет совсем пустопорожний. Ко времени появления в квартире бандитского «бугорка» раздраженный и утомленный долгими бестолковыми словопрениями Андрей теряет бдительность, и его снова посылают в глубокий нокаут.

Мостовой приходит в себя в пустой и тщательно прибранной квартире. Выйдя в коридор, он вдруг наталкивается на труп зарезанного «пахана» и, вовремя осознав, что его банально подставляют, быстро уносит ноги с места происшествия.

Вернувшись в «берлогу» Славкина, Андрей напряженно ожидает, что с минуты на минуту предупрежденные о его «жутком злодействе» менты начнут производить поквартирный обход, но время идет, а в гарнизоне по-прежнему стоит полная тишина. И он никак не может взять в толк, по какой причине они отказались от логичного завершения ими же поставленного спектакля.

Вернувшийся поздним вечером из поездки в Зареченск Славкин выслушивает рассказ о новых злоключениях Андрея как-то вяло, без особых эмоций. Но в итоге все же констатирует – после случившегося им действительно необходимо как можно быстрее перебраться в какое-нибудь более надежное и желательно совершенно безлюдное место. Как вариант – в охотничье зимовье за Ретиховкой, о котором упоминал Андрей при повествовании о своих таежных скитаниях.

Утром согласно предварительной договоренности Мостовой в одиночку добирается на автобусе к назначенному месту встречи. Славкин и Семеныч приезжают туда на джипе, за рулем которого сидит сослуживец Сани по Афгану Вася Нилов. Неожиданно Славкин меняет ранее принятое решение и везет их в противоположную от Ретиховки сторону.

На незнакомом таежном кордоне их встречает еще один бывший сослуживец Сани по Афгану Илья Краев. И тогда Андрей, видя, что без его ведома, без согласования с ним Славкиным уже подключена к делу целая группа посторонних людей, впервые начинает всерьез сомневаться в бескорыстии своего старого друга. Чувствительно ущемляет самолюбие Мостового и тот факт, что подготовка к операции по нападению на алмазный прииск, о которой они с Саней пока еще вроде толком и не говорили, уже, оказывается, идет полным ходом под единоличным руководством последнего. Да, кроме того, какими-то необъяснимо, неоправданно стремительными темпами, как будто в

явном цейтноте. А они с Семенычем остались вроде как и вообще не у дел. Им, похоже, отныне отведена роль совершенно безучастных и бессловесных статистов.

Поставив вопрос ребром, Андрей добивается от Славкина признания в том, что тот, вызвавшись участвовать в справедливой «вендетте» друга, все-таки преследовал при этом и свои собственные, вполне прозаические корыстные интересы. Драгоценные камешки с таежного прииска – вот что, оказывается, интересовало его в первую очередь. И от такого лакомого куска он, естественно, отказываться не намерен.

Мостовой, подозревая, что разработанная Славкиным операция по уничтожению бандитской «базы» может закончиться всего лишь тривиальной экспроприацией алмазов, настаивает на том, чтобы ему была предоставлена возможность подорвать ненавистный прииск самолично, и легко получает на это полное и безусловное Санино согласие.

Во время разговора Саня с иронией упоминает о том, что давно заметил «болтающийся на шее» у Андрея «амулетик» и призывает друга рассчитывать в предстоящем бою только на себя, а не на поддержку каких-то там неведомых заоблачных высших сил.

В ночь накануне штурма «однокашники» Славкина привозят в зимовье Бельдина и молодого китайца, которого Саня представляет как сына Ван Дэнлао, китайского соинвестора в нелегальном алмазодобывающем предприятии – главного непосредственного виновника в смерти жены Андрея. Обоих пленников Саня зачем-то намерен тащить с собой на прииск. Если участие Бельдина в завершающей стадии предстоящей операции Славкин объясняет вполне аргументированно – нужен, мол, для того, чтобы беспрепятственно проникнуть в оснащенное хитроумной сигнализацией хранилище алмазов, то оправдание им необходимости присутствия на прииске китайца Андрея поначалу вовсе не убеждает. И только когда непосредственно перед нападением на «базу» Саня принуждает Ли Вэйгу позвонить по спутниковому телефону его «отцу» Ван Дэнлао в Китай и сообщить тому, что через считанные минуты прииск, в который тот вложил огромные чужие средства, взлетит на воздух, этот вопрос для Мостового наконец-то проясняется. Таким образом, как следует из его же слов, Саня хочет наглядно убедить друга в том, что главного виновника его злоключений действительно постигло заслуженное жестокое возмездие, – ведь теперь безвозвратно «потерявшему лицо» Ван Дэнлао не останется больше

ничего другого, как наложить на себя руки.

По окончании телефонного разговора Краев как-то чересчур поспешно убивает и Бельдина и китайца, после чего до сознания Андрея наконец-то доходит, что их с Семенычем просто-напросто грубо и примитивно одурачили, использовали в чужой игре. И, получив от Славкина по радиации команду на подрыв «базы», он нажимает на кнопку дистанционного электронного взрывателя с кривой усмешкой на устах, в полной уверенности в том, что никаких обещанных Саней «со товарищи» страшных и разрушительных взрывов на прииске после этого, конечно же, не последует. Это в их планы, как он теперь осознает, никогда и не входило.

А окончательно убеждается Мостовой в предательстве друга в тот момент, когда после завершения операции он вдруг видит рядом с подошедшими к нему Славкиным и Краевым своего старого ненавистного знакомца, фээсбэшника Малькова.

Глядя в глаза Андрею, Славкин хладнокровно признается в том, что их «неожиданная» встреча на перроне Ярославского вокзала была отнюдь не случайной, что его, попросту говоря, «подвели» к бывшему сослуживцу согласно давно и детально разработанному «конторой» плану по ликвидации нелегального таежного прииска. А потом «по-дружески» на прощание напоминает Мостовому, что дорога домой в Ретиховку для него по-прежнему заказана, ведь после «подставы» в гарнизоне тот находится в розыске по обвинению в убийстве.

В этот момент между Славкиным и Мальковым происходит непонятная конфронтация, после короткой словесной перепалки едва не закончившаяся перестрелкой. Обезоруженный Саней фээсбэшник покидает место встречи, изрыгая ругательства. Но Андрей уже не прислушивается к чужим словам. Они скользят и тают, не проникая в его сознание, потому что в его душе после подлого предательства старого и, казалось бы, проверенного друга образовалась страшная зияющая звенящая пустота.

Мостовой прикурил, и от проникающего в укрытие ветра спрятанная в кулаке сигарета заалела ярким малиновым угольком. А перед глазами снова проявилась поневоле накрепко врезавшаяся в память картина захваченного командой

Славкина алмазного прииска: замершая перед зданием хранилища пятнистая вертушка, распластавшая до самой земли тяжелые крылья лопастей; крепкие фигуры спецов, деловито снующие между темными коробками замершей на полигоне техники. «Небось уже успели, сволочи, – подумалось, – все свои дерьмовые богатства с прииска вывезти? Или все же непогода помешала?»

– Ну, ты как, Андрюш? – легонько дотронулся до его колена старик.

– Ничего, Иван Семеныч, – рассеянно ответил Мостовой, все еще оставаясь во власти своих тяжелых воспоминаний. – Все нормально.

– Ну и хорошо, коли так... И нечего об этом поганце лишнего кумекать. Придет время – и его Бог за все его художества к ответу призовет. Оно ж ведь каждому, как в Писании, по делам его воздастся... Сколько ж веревочке ни виться...

– И опять ты прав, Семеныч, оказался. Как всегда, прав...

– Да я-то что, Андрюш? Ты себя, парень, не кори по-пустому. Не нужно. Я же знаю, что и ты давно уже, а не сейчас вовсе его раскусил, все про него сдогадался. Давно ведь уже понял, что он насквозь худой. Весь, как есть, худой, до самого загривка. Как та паршой больная падалка – сплошь в червоточинках... А и живет-то как – поглядеть? Да срам один! У какой неразумной лесной зверушки небось в норке и то поопрятнее, почище будет. Разве ж сможет так нормальный человек в таком жутком непотребстве жить?! Да ни за что не станет! Не сможет!.. Знал ты все, конечно, Андрюш. Конечно ж, знал. Просто очень тяжело было тебе в такую гадкую низость поверить. Как-никак, а ведь не чужой он тебе человек. Тут уж как ни крути. Сколько ж лет вы с ним на пару службу-то несли, сколько ж лет из одной миски, почитай, щи-то хлебали...

– Было дело. Догадывался. Твоя правда... Но ведь стыдно признаться – до последнего был уверен, что все дело здесь только в его личном меркантильном интересе. Я же сразу, еще там, в поезде, сообразил, что он в первую очередь потому и на подмогу мне вызвался, что загорелся до этих гребаных драгоценных камешков добраться... Ну да ладно, думал, пускай так. Лишь бы помог, а там видно будет... Оказалось, что это еще далеко не все. И совсем не его это частная инициатива. По крайней мере – не только его... Оказалось, что и встреча наша с ним в Москве – совсем не случайна. Его же ко мне тогда специально подсадили, специально подсунули... Провели они меня, понимаешь, Иван Семеныч, как

какого-то пацана желторотого... Но здесь для меня пока больше вопросов, чем ответов. Одна муть сплошная. Знаю только одно теперь точно, что прииск этот никто с землей ровнять и в мыслях не держал. Никто и никогда не собирался. А просто-напросто его какой-то очередной гнилой буратинка к своим ручонкам грязным прибрать вознамерился, чтобы впредь с него самолично купоны стричь. Это похоже на обычную банальную смену хозяев, понимаешь?

- Да что ж тут непонятного, Андрюша? Тут семи пядей во лбу и не нужно быть. Кто же такую буренку удойную под нож-то пустит?

- Вот именно, Иван Семеныч. Вот именно, - произнес Мостовой задумчиво. - Ну да это ладно. Это все не к спеху. В этом мы с тобой, бог даст, разберемся со временем... А сейчас у меня один-единственный вопросик в мозгах свербит. Один-единственный. И ответить нам с тобой на него как можно быстрее надо. Понять нам срочно надо, зачем, с какой целью они нас и теперь, после окончания всей этой их гнилой рэкетирской операции, в живых оставили? Что им, говнюкам прожженным, еще от нас нужно?.. Ни в какие нежные дружеские чувства со стороны Санька я, естественно, теперь нисколько не верю, хоть и ссору с Мальковым он очень убедительно сыграл. И даже дал мне понять недвусмысленно, что они с этим скользким типчиком - из разных «контор», а потому и задачи у них не всегда под копирку.

- Он же, Андрюш, заикнулся навроде, что назад нам с тобою в Ретиховку вертаться нипочем нельзя? Что на тебя, мол, давно уж милиция большую облаву затеяла? А потому одна у нас теперь с тобой стёжка - подальше в тайгу забираться?

- Кажется, бать, я начинаю догадываться, в чем тут дело. Он же не зря насчет моей ладанки с таким сарказмом прошелся! У него же ни одного словца с языка без задней мысли не слетает!.. Очень ему надо, как я понимаю, козелку вонючему, чтобы мы их к новому месту скита привели. Именно это ему и нужно. Позарез нужно... Пусть и не знает он определенно, что Глуша мне обещала знак на кедре оставить, но, должно быть, предполагает такой вариант, исходя из того, что она меня не просто так этим амулетом одарила. А значит - уверен на все сто, что мы с тобой в такой безысходной ситуации напрямик к кержакам и направимся. И именно этого, Иван Семеныч, они, как я предполагаю, от нас и добиваются. Нужно им с нашей помощью до скита добраться, чтобы разом всех свидетелей их грязных делишек со счетов списать. Всех нас скопом убрать окончательно и надежно... Но почему же тогда они так долго ждали?.. Да,

видимо, только сейчас, по каким-то их хитрым расчетам, для этого время подоспело. Я так думаю.

- Ну а ежели так, Андрюш, то как же они задумали следить-то за нами? Мы же для них в тайге, что иголка в стогу сена? Думаешь, опять нам с тобой всякой разной хитрющей дряни куда попало напихали?

- Уверен, батя. Но это может подождать...

- Как так подождать, Андрюш? Чего ж тут ждать-то?

- Да мы же, батя, пока до старого места скита не добредем - для них, как уверен, абсолютно никакого интереса не представляем. Они же это место и так знают как облупленное. А вот когда мы с тобой оттуда дальше потянем, тут уж они нам плотненько на хвост присядут. Тогда уж они нас пасти капитально будут. Ни на миг из поля зрения не выпустят. Вот тогда и придет для нас с тобой время всерьез заморочиться, чтобы их надежно со следа сбить...

- Так ты все ж таки решил, Андрюша, сызнова к кержакам пробиваться? Но тогда же ведь получится, что мы опять на них большую беду накличем? А ведь и так уже сколько ихних бед на нашей с тобою совести!

- Согласен, Иван Семеныч. Но это только - с одной стороны. А вот с другой... Ее же, беду-то эту новую, и кликать уже не надо. Она же уже и так к ним заявила... Могут ведь эти уроды и без нашей помощи новое место скита нащупать? Могут ведь, так?

- Да кто ж их знает? Наверное, могут...

- А Елизар с людьми ведь об этом даже и не догадываются. Не знают, какая страшная опасность снова над скитом нависла. А потому, конечно, ни к какой обороне готовиться еще и не думали, понимаешь? У них же этого и в мыслях нет!.. Да и уверен я, что они не сумеют без нашей помощи от этих кровожадных скотов отбиться. Они же совершенно на это не способны. Просто неспособны на человека руку поднять.

- И то верно, Андрюша, - тяжело вздохнул старик. - И то верно.

– Да нет же, конечно, – ни за что не сумеют! Так и пропадут ведь все до единого
– ни за что ни про что!

– Да, Андрюша, правильно! Твоя правота! – моментально отозвался Семеныч, и голос его предательски дрогнул. – Надо их искать, надо! Большая за них вина на нас, парень, камнем висит! Жили себе люди и беды не знали, пока мы с тобой тогда к ним не приблудились... Получается, что это мы с тобою к ним горюшко и притащили. И теперь нам, Андрюша, сам бог велел за них заступиться, подмогнуть им этих злыдней обороть.

– Ладно, Иван Семеныч, давай-ка пока не будем себе понапрасну душу терзать. Все равно, пока погода не уляжется, мы отсюда не сможем и шагу ступить... Попробуем, батя, подремать хоть немного. Силы нам с тобой еще определенно пригодятся. Верно же ты сказал – еще намытаримся.

Славкин

Вертолет набрал высоту, накренился, заложил над заснеженными сопками широкий плавный вираж и, став на прямой курс, неспешно потащился вдаль, постепенно уменьшаясь в размерах, пока не превратился в едва различимую точку. А потом и вовсе потерялся из вида. Но похожий на стрекот цикады монотонный шум винтов еще долго висел в разреженном морозном воздухе.

Славкин проводил вертушку равнодушным взглядом. Распечатал последнюю пачку «Петра». Прикурил. С наслаждением затянулся: «Осталось девятнадцать штук – как раз до конца дня, а там – в завязку. В «поле» не дымить – святое правило». Жадно добил сигарету до фильтра. Бросил бычок под ногу. По привычке притоптал, тщательно растер, присыпал снегом. Пошевелив плечами, проверил, как сидит раскладка, тщательно расправил скрутившиеся резинки на манжетах маскхалата и словно воочию разглядел на нетронutom, девственно чистом снегу уходящую в таежные дебри цепочку следов: «Ну что, братишка? Начинаем? Карты вскрыли. В остатке – только прикуп». Одернул перехлестнувший грудь ремень винтореза и мягко заскользил вперед, постепенно набирая нужный темп ходьбы.

Жалко ли ему было Андрюху Мостового? Да ну – какая глупость! Да кто бы его самого пожалел?! Хотя бы раз! Хотя бы как-нибудь! Да хоть когда-то!..

Ему едва исполнилось десять лет, когда утомленная бесконечными разборками семья окончательно и бесповоротно распалась. Отец, простой, как три копейки, жизнерадостный слесарюга из ЖЭКа, попросту в один прекрасный миг свалил на сторону, связался с молодой смазливой сучкой, их давнишней соседкой по лестничной площадке, которая ему едва ли не в дочери годилась, и умотал с ней на пару на вольные «севера» толковую деньгу заколачивать. И даже развода, сволочь, не удосужился оформить.

И до того жили не слишком жирно, а тут вообще в какую-то жуткую нищету угодили. Ходил в сплошных обносках – дырка на дырке, оттого все реже заглядывая в школу. Сколько там мать уборщицей в дурдоме заработает? Сущие копейки. Да и то бы ладно. Может, и перебились бы с хлеба на воду. Но сломалась она быстро. Запила по-черному, в одиночку. Нажрется, забьется в угол и скулит паскудно до тех пор, пока совсем не отключится. И чем дальше – тем чаще. А потом совсем жратва из дома испарилась. Пустой холодильник. Шаром покати. Не успеешь у нее вовремя с полочки хоть какую-то паршивую трешку урвать – пиши пропало, клади на месяц зубы на полку. И орал на нее как резаный, и даже, бывало, под горячую руку, звиздюлей выписывал, да все – попусту. На все его увещевания – ноль внимания. Как будто о своем ребенке забыла напрочь. А из родни – один только дядька по отцовской линии. Да и то где-то на самом краю земли – в каком-то там неведомом казахстанском Оше. Да и о нем-то только слышал пару раз краем уха, даже фотки его никогда не видел. Вот и крутись, как хочешь, если все-таки всерьез надолго жить намылился. Вот и крутился, как только мог. Пришлось – и крутился. То к кому-то из одноклассников на обед напросится, то к какой-нибудь училке сердобольной. Ну и тырил, ясное дело, все, что под руку попадет, все, что только можно на еду обменять. Бывало даже и украдкой на помойке рылся, когда от жуткой голодухи челюсти сводило и живот к спине прилипал, как сдутый воздушный шарик. Но случались и совсем дерьмовые денечки – в полный и законченный облом. И тогда последней палочкой-выручалочкой становился дядя Ваня – такой же неприкаянный и всеми забытый доходяга, только на полста годков постарше. У него при крайней нужде можно было по случаю хоть слегка подхарчиться.

Жил он в дощатой хлипкой, крытой вонючим толем халабудке, стоящей в длинном ряду дровяных сараев рядом с трехэтажными хрущевками, не имеющими водяного отопления. Хотя слово «жил» можно было применить к

нему с большой натяжкой. Никаких особых человеческих желаний у него уже и не осталось. Лишь бы потрескать чего-нибудь от пуза, поспать да, если вдруг удастся наскрести какую лишнюю копейку, засадить пару стаканов самой дешевой бормотушки или «тройняка». Именно в таком порядке. Именно так в его мозгах все и было расставлено согласно негласным приоритетам. Законченным бухарьком он все же не был. Жратва для него всегда оставалась на первом месте, и над ней по трезвянке он трясся, как Кощей над золотом. И клянчить в это время было у него абсолютно бесполезно – все равно и крошкой не поделится.

В холода дядя Ваня из своей конуры и носа не казал, но стоило разлиться в воздухе первому весеннему теплу, как он намертво прилипал к прибитой у входа в сараюшку скамейке, сделанной им когда-то давным-давно явно на скорую руку и безо всяких затей из обрезка широкой неошкуренной сучковатой доски. И теперь уже не слезал с нее с рассвета и до полной темноты. Однако же без дела никогда не маялся. Всегда был чем-то занят. Точил ножи, скорняжничал, занимался несложным ремонтом обуви. А чаще всего, бубня что-то невнятное себе под нос и весело щурясь на ярком солнышке, в натянутой на уши замызганной беретке с длинным хвостиком, не снимаемой ни зимой, ни летом, заношенной, затертой до дыр черной фуфайке и растоптанных «ржавых», но всегда подбитых новыми каблуками, сложенных форсистой гармошкой юфтевых офицерских сапогах, с радостным увлечением обтачивал какую-нибудь очередную деревяшку, мастера топориче, ручку для молотка, долота или ножа, а то и просто изукрашенную безвкусной аляпистой резьбой безделушку вроде мундштука или детской копилки, или другой какой-нибудь не слишком нужной, но и не лишней в домашнем обиходе штуковины.

В трезвом состоянии дядя Ваня обычно ни с кем не общался, на контакт принципиально не шел, а только молча постреливал бесцветными стеклянными глазами исподлобья, не спуская с морщинистого пепельно-серого лица глуповатую безадресную улыбочку. Но, стоило ему принять на грудь хотя бы соточку, как с ним тут же начинала происходить какая-то странная, необъяснимая перемена. Его впалые, всегда гладко выбритые, пронизанные тонкими синими прожилками щеки быстро заливала густая нездоровая краснота. Взлохмаченные, торчащие во все стороны седоватые брови угрюмо ползли к переносице. Уголки губ низко опускались, будто он неожиданно вспоминал о какой-то смертельной неизгладимой незаслуженной обиде. Правое веко принималось безостановочно подергиваться. И тут его резко прорывало. Тяжелые больные слова начинали слюнявыми брызгами извергаться из его рта, наполненного редкими гнилыми прокуренными до желтизны зубами неудержимым нескончаемым потоком. С каждой минутой напор в его речи

нарастал. Складывалось впечатление, что он опять и опять, в который уже раз, пускается в яростный неоконченный спор с каким-то своим давнишним упертым, несговорчивым оппонентом.

- Думаешь, малец, что ты кому-то на этом свете нужен? Да черта с два! Да хрен ты угадал! Никто из нас и никому не нужен. Никто и никому! Понял?.. Да все мы - твари еще те! Только о своей шкуре и печемся. Ни до кого нам по большому счету никакого дела нет! Каждый - за себя в этой помойной сучьей жизни! Каждый! Все остальное - срань на постном масле... Вот и на зоне ж правильно бакланят:[8 - Бакланят - говорят (угол. жарг.)] «Не верь. Не бойся. Не проси». И все это - верняк чистый. Да лучше ж, верно, и не скажешь... А потому, салажонок, никогда ты себя не жалеи. Никогда! Да и другим не позволяй, понял? На эту жалость гребаную только дурачков и ловят. А если кто тебя потянется по головке погладить - тут же кусани, хватани его покрепче за корявку... Не распускай нюни. Не ведись. Зри в корень. Ищи - какой у этого хмыря помойного к тебе скрытый интерес имеется. Секи и найдешь обязательно. Уж тут ты мне поверь! Мля буду!.. Вот тогда тебя и никакая падла хитрожолая ни в жизнь не разведет, никогда врасплох не застанет. Всегда молотком будешь, понял? Да и вообще, малой, сопли никогда не жуй, на кулак не наматывай. Будешь жевать - ничего толкового из тебя не выйдет. Получил в рожу - утерся да тут же, с ходу, и дал сдачи, да так, чтоб надолго запомнили. Съездил по сопатке да при дальше буром... И еще запомни, малый, навсегда заруби себе на носу - никто из нас никому и ничего не должен. Никто и никому! Понял? А вся эта ботва - чухня собачья, пустая трепотня для слабаков. Никто и никому - запомни! Жизнь, она, малец, - жестокая хреновина. Она никакого слюняйства никогда не прощает. Чуть разомлел, расслабился - и враз тебя сожрали, враз схавали со всеми потрохами. Да даже пёрнуть толком не успеешь! Это я тебе точно говорю. Точно, малец. Да так оно и будет... Хотя, конечно, вся эта моя тебе наука - с другой стороны - тоже ж одна херня на постном масле. Пока ты сам сто раз не обожжешься, на свои грабли раз пятнадцать не наступишь, пока они тебя капитально в лоб не шандарахнут, так, чтобы искры из глаз посыпались, - соображать ты своей бестолковкой все равно не станешь, как тебя, сопляка, ни натаскивай. Это только в красивых сказочках на чужих ошибках учатся. А по жизни - так только на своих. Понял?.. Поэтому все это - шняга[9 - Шняга - мелочь (угол. жарг.)] полная. И не хрен вроде по-пустому рамсы разводить[10 - Рамсы разводить - вмешиваться не в свое дело (угол. жарг.)]... Но ты, однако... все равно меня послушай. Слушай, малый, да на ус наматывай. Оно ведь лишним тоже никогда не будет. Да - верняк - не будет. Точно... А там, глядишь, хоть что-нибудь в твоей воробьиной черепушке да отложится. Хотя бы что-то дельное. А остальное... остальное ты потом и сам доберешь. Доберешь, когда не на шутку

приспичит. Доберешь-доберешь, салажонок, да падлой буду...

Сбивчиво, непоследовательно, постоянно перескакивая с одного на другое, мог дядя Ваня читать свои нравоучения часами. Но только до той поры, пока не начинали выветриваться из его головы винные пары. Тогда он так же резко, случалось даже на полуслове, свой монолог обрывал. Тяжело, покряхтывая, поднимался на ноги и, не прощаясь, тут же отправлялся на боковую, благосклонно оставляя неразумному дитяти остатки своей простой, но сытной и обильной закуси. А уже через минуту его громкий с присвистом забойный храп доносился из-за тонких, в одну доску, стенок шаткой кособокой сараюшки.

Жутким тревожным холодком несло от его болезненных пьяных откровений, но все равно хотелось слушать его снова и снова, невольно примеряя их к своей безрадостной, беспросветной жизни. Ведь это была не та занудная пустая болтовня о каком-то там нереальном равенстве, товариществе и братстве, о несуществующей на свете справедливости, которую им усиленно вдабливали в голову в школе, а сама неприкрытая горькая, но настоящая правда жизни.

И с каждым годом все больше убеждался он в дяди-Ваниной правоте. Так же оно все и было на самом деле. И вовсе не требовалось много ума, чтобы понять – люди действительно живут, как какие-то крысы в бочке, как настоящие законченные сволочи. Врут и врут друг другу беззастенчиво, всегда, везде и по любому поводу. Плетут свои бесконечные изощренные интриги. Выходит, что все – против всех и каждый на каждого исподтишка зубы точит. Едва зазеваешься, подставишься по недомыслию, и тут же слопают в три счета. Сожрут и не поморщатся. А потому и старая, как мир, зэковская заповедь «не верь, не бойся, не проси», зароненная когда-то в душу изрядно потрепанным этой гребаной житухой дядей Ваней, действительно ложилась, как лыко в строку. На все времена – неоспорима и непреложна. Да только так и можно на плаву удержаться, только так и можно из дерьма на берег выгрести.

Вот так и старался жить. И бился за место под солнцем отчаянно, смертным боем, как выгнанный дымом из норы и опутанный ловчей сетью барсучонок. И в школе-интернате, куда попал после того, когда почерневшую от беспробудного пьянства, окончательно опустившуюся мать лишили родительских прав. И в Суворовском училище... Никому не доверял. Никого к себе вплотную не подпускал. Ни с кем из однокашников по-настоящему не сближался, не корефанился. Всех держал на расстоянии. На всех зубы скалил, а при первом же удобном случае и покусывал чувствительно, чтоб не особо расслаблялись,

намеренно провоцируя на ответную грубость. А потому, бывало, что месяцами фингалы с морды не сходили – терпят-терпят да потом навалются всем скопом да отмудохают по первое число, чтоб сильно не выпендривался. Однако же – напрасно. Выждет какое-то время да всех своих недругов обязательно переловит поодиночке, да каждому из них таких звиздюлей пропишет, что мало никому не покажется. Вдвойне, втройне за полученное. И так из раза в раз, изо дня в день. А потому учили-учили, да отступились в конце концов – выходило на поверку себе дороже. «Да ну его на... этого Славу звезданутого. Лучше этого дурака лишний раз не задевать. У него же крышу в драчке совсем уносит. Так ведь и приклепнет кого-нибудь запросто – за ним не заржавеет».

А ко времени выпуска из Суворовского училища ума и еще заметно прибавилось. Осознал, что вовсе необязательно постоянно и по любому поводу со всеми крыситься. Так только силы попусту растрчивать да врагов себе лишних наживать. Достаточно только с ходу и предельно жестко заявить о своих притязаниях, о своем особом положении. Так, чтобы ни у кого на этот счет никаких сомнений не оставалось. А потом только умело и при действительно насущной необходимости свой авторитет кулаком поддерживать. Дальше и так, без лишних усилий все покатит, как по маслу, если, конечно, хлебалом не щелкать и на лаврах не почивать, а всегда на стреме оставаться.

Андрей

Помотал тяжелой головой, стряхивая с себя остатки вязкой неприятной полудремы, и тут же содрогнулся, передернулся всем телом – промозглым холодком буквально до костей пробрало, от ног и до макушки. Провел еще размытым осоловелым взглядом по смутно видимым в полутьме очертаниям узкого лаза в укрытие, и только тогда дошло до сознания, что снаружи стоит непривычная тягучая тишина – ураган, похоже, за ночь совсем иссяк, без остатка истратил всю свою буйную чудовищную мощь.

Рядом заворочался Семеныч, закричал, с явным усилием расправляя окоченевшую, затекшую спину.

– Ну, ты как, бать? Замерз, наверное? – спросил с тревогой.

– Да ничего, Андрюша. Ничего. Терпимо, – нарочито бодренько откликнулся старик, но его слабый нездоровый голосок предательски дрогнул. – Малость только в поясницу прострелило. Но ничё. Ничё. Перебедуем. Не впервой. Расхожусь небось, бог даст. Никуда не денусь.

– Подожди. Посиди здесь пока. Я сейчас быстренько костерок организую, – сказал и резво поднялся на ноги. – Сейчас-сейчас, бать. Подожди, я мигом.

– Распалить-то можно, да есть ли у нас с тобой на то время? Скоро ж развиднеется совсем, а нам же топать нужно?

– Ничего, ничего. Успеем. Нас с тобой пока никто не гонит, – произнес и усмехнулся: «А ведь верно, в самую точку ляпнул – это ж только – «пока». Пока не гонят». – И со злостью болезненно скрипнул зубами: – Да и черт с вами, гаденыши! Перетопчетесь. Подождете!»

Выбрался наружу и, невольно отшатнувшись, отступив на шаг, заслонился рукой – ослепительной свежей белизной резко бросило в глаза. Легкого пушистого снежка чуть ли не вровень с коленом навалило. Густо запорошило, припудрило раскинувшуюся по сторонам бескрайнюю тайгу. И теперь она, по-праздничному принаряженная, расслабленно млела в предрассветной тиши, отходя, оправляясь от сошедшего на нет отбушевавшего ненастья.

И от души вдруг как-то мигом отлегло, стало уже не так муторно и безотрадно, как было еще минуту назад, словно и ее, согревая, присыпало невесомым чистым праздничным снежком. И тут же коварно запросились из дальней памяти какие-то светлые, бережно хранимые воспоминания. Но вовремя спохватился, не дал воли чувствам. Решительно отогнал от себя все несвоевременные мысли и споро принялся за дело. Шустро расчистил пятачок под кострище. Натаскал увесистого звонкого сушняка, наломал сухостойной лещины, надрал тонкой, как пергамент, ломкой бересты. Развел огонь, обождал, пока сложенный на угол потаежному костер как следует займется, и только тогда протиснулся в скальную щель за стариком. Притормозил у входа, свыкаясь с темнотой, обеспокоенно прислушиваясь. Семеныч моментально завозился, поднимаясь:

– Я счас, Андрюша. Счас. Счас вылезу.

– Пстой, Иван Семеныч. Не суетись. Давай-ка помогу. Давай, – нащупал плечо старика, облапил его крепко, подхватил под руку. – Ну, ты что? Совсем худо?

– Да ерунда. Невелика беда, – попытался по-прежнему хорохориться Крайнов, но прозвучало это как-то уж слишком кисло. Похоже было, что прихватило его капитально. – Да ничего. Сейчас пройдет. У огонька мал-мал погреюсь, да отпустит.

– Да ты не спеши. Не спеши. Давай-ка потихоньку, – приговаривая, принялся аккуратно вытаскивать скрюченного, разбитого приступом радикулита старика из узкого лаза. Вытянул, усадил на загодя подтянутую поближе к костру толстую валежину и застыл озадаченно: – Что же мне с тобой делать-то? Может, тебе камень какой нагреть? А?

– А что? Можно и булыгу, – охотно, не чинясь, согласился Семеныч. – Оно ж ведь таким манером в старину эту хворобу и снимали, когда ничего другого под рукою не было. Давай приложим. Да мне ведь только так – самую малость, чтобы кровушку разогнать. А там я и сам расхожусь. Не шибко ж и прижучило.

Отобрал, отковырял из скальной осыпи пару подходящих широких и плоских камней. Пристроил их на пышущие малиновым жаром раскаленные угли. Надрал охапку мохнатого лапника с молодых пихтушек. Бережно уложил лицом вниз на мягкую, пружинистую, остро пахнущую скипидаром «перину» Семеныча. Снял с себя утепленную камуфляжную куртку и, закутав в нее нагретый камень, осторожно опустил его на поясницу старика: – Ну, как, Иван Семеныч? – спросил озабоченно. – Терпеть-то можно? А то давай, остужу немного?

– Да нет. Не надо. В самый раз, – отнекался Семеныч и, шумно вздохнув, придержал дыхание. А через пару минут сипловато выдавил: – Ты бы вот что, Андрюш... это... пока я тут под каменюкой жарюсь... поискал бы эти их жучки-маячки. А то ж, ведь... прямо зло разбирает, как подумаешь, что мы с тобой у этих поганцев посеичас, как какие-то барбосы безмозглые – на короткой цепке. Поглядел бы, а?

– Поглядеть-то – погляжу. Но выдирать мы их, конечно же, пока не будем...

– А чего же так? Неужель не лучше нам с тобой в тайге хотя б на время затеряться? Хотя б покуда до старого скита не дотопаем?

– Нет, батя, не лучше. Не лучше. Пускай думают пока, что мы с тобой по-прежнему у них на прочном поводке. Что тащимся к скиту бездумно, как бараны на заклатие. – Сказал и тут же усомнился: «Да нет... не такой Санек идиот, чтобы даже номинально предполагать, что я насчет его закладочек по простоте душевной не допетрю. Ведь знает же прекрасно, воробей я – стреляный и с этой мелкой дрянью уже однажды сталкивался, а потому знаком не понаслышке. Да я же сам ему об этом и рассказывал».

Начал шмон с оружия. И долго мучиться не пришлось. Стоило откинуть приклад и заглянуть под его основание, как в тот же миг наткнулся на первого «клопа», спрятанного внутри затыльника под тупо приспособленной на клей тонкой металлической накладкой. А следом и на другого – во втором автомате. «Ну прямо примитив какой-то? Детская игра – «теплее, холоднее!» – фыркнул от досады, глядя на лежащие на ладони аналогичные прежде виденным плоские металлические шайбочки размером с канцелярскую кнопку с припаянными к ним короткими волосками из какой-то тончайшей нержавеющей проволоки. – И почему ж так просто? Зачем? Опять ты что-то намутил, темнило?» Чертыхаясь под нос, с большим трудом разобрал оба «Вала»[11 - АС «Вал» – (автомат специальный) – бесшумный автомат, стоящий на вооружении подразделений специального назначения России.] до последней поддающейся без инструмента детали, убедившись по ходу дела, что машинки эти, как и предупреждал когда-то Славкин, действительно капризны при разборке, как девицы своенравные. Не то что старый добрый знакомец «АК», который и с завязанными глазами раскидаешь на запчасти запросто, в три счета. Осмотрел со всех сторон каждую детальку: «Ну, куда, куда еще тут можно маячок всобачить? В глушак? В сепаратор? Под цевье? В рукоятку? Да что-то мало верится. Тут же все буквально впритирку, ни единой пустой полости. Нет. Навряд ли это на практике осуществимо. Да даже при большом и горячем желании». Выщелкал патроны из магазинов: «Ничего. Может быть, в одежде?» Все с себя снял и тщательно пропустил через пальцы. Бросил взгляд на деда, но решил пока его не тревожить: «Время терпит. Еще успеется».

– Ну так как, Андрюш, нашел чего-нибудь?

– Да то-то и оно, батя, что нашел... Но слишком уж легко я этих «клопиков» обнаружил. Слишком уж просто надыбал, – пробурчал под нос раздраженно. – Пряма-таки какое-то детство золотое. Вот только не соображу пока – зачем ему понадобилось такой дошкольный ребус нам подкидывать?

– Да уж, конечно, не без умысла. Он ведь калачок-то тертый. Себе на уме. Давай-ка и у меня в одежде погляди да в сапогах под каблуками. Может, он их туда запихал, как тогда бандюганы дружку твоему закадышному?

– Да лежи ты пока. Лежи. Не шевелись. Надо, чтоб прогрело тебя как следует.

– Да ничего, – уперся старик. – Ничё. Уже прогрело. Сымай. – Заелозил под тяжелой «грелкой» нетерпеливо. – Я уже, считай, оклемался. Скидай, говорю, каменюку. Скидай, тебе говорю. Не тни кота за причиндалы.

– Ладно. Только с уговором – потом продолжим.

– Хорошо. Согласный. Давай, давай уже – не томи, подымай, говорю.

Андрей перещупал всю одежду и свою, и Семеныча до последней складочки. И под каблуки берцев с помощью ножа аккуратно заглянул, так, чтобы обувь не слишком уродовать. Но ни одного маячка больше не нашел.

Опять уложил старика на «прогревку». Подкинул дровишек в костер и опустился поодаль на корточки, задумчиво потирая в затылке: «Но ведь фигня какая-то получается? Фигня натуральная!»

– Слушай, Андрюш, – прервал затянувшееся молчание Семеныч. – А ладанка твоя, а? Он же не зря насчет нее там, на кордоне, изгалялся?

– Так в том-то и дело, бать, что он бы тогда, наверно, и заикаться о ней не стал. Уж тут вообще глупее не придумаешь...

– Глупо не глупо, а ты погляди. Чем черт не шутит.

– Так вроде же нельзя ее развязывать? – со смешанным чувством иронии и какой-то вдруг ворохнувшейся внутри замешанной на недостойном суеверии опаски, хмыкнув, проговорил Андрей, зажав талисман в ладони. – Вроде как тогда вся ее чудодейственная сила пропадет, в момент улетучится?

– Вот-вот, Андрюш. О чем и говорю. На то он, паршивец, верно, и рассчитывал. Скумекал, видно, что раз уж ты таскаешь ее на шее – то выходит, что и в силу ее хотя бы самую малость, да веришь. Иначе б не носил, навроде. А коли так, то ты туда искать и не полезешь. Нипочем не полезешь, зная, что не след.

– Нет, ну это...

– А ты поглянь, поглянь, Андрюша. Чего гадать.

Мостовой снял талисман, подержал его в руке, впервые внимательно к нему пригляделся. Ухватил за кончик тоненькой кожаной тесемочки. Распустил ее и осторожно вытряхнул содержимое мешочка на ладонь. А через мгновение перехватило горло и в жар бросило. Какой-то маленький черный камешек, миниатюрная фигурка из темного дерева, крошечная низочка какой-то мягкой волокнистой травы и... прядка светлых, перетянутых былинкою волос. «Приворот!» – мгновенно догадался. Вздохнул и с грустной улыбкой покачал головой: «Ну, Глуша, Глуша. Вот так учудила... дитячко ты мое малое».

Назаров

– Нет, Михалыч, ну он меня конкретно допек. Ну, ей-богу, просто достал своим наглым трепом! Несет же, дурень, полную ахинею. Ты только послушай, что плетет, – с горячим неподдельным возмущением выпалил Борис Кудряшов, ведущий специалист управления охотничьего надзора по Федосеевскому району, обращаясь к своему непосредственному начальству.

– А вот тебе, Борь, похоже, больше делать нечего, как по ночам по всяким сомнительным форумам лазить да со всякими нахальными типами там часами чатиться. Лучше б ты почаще свою Светланку ублажал. Уж это точно – и приятнее и полезнее, – не снижая шага, едко подколот его Алексей Михайлович Назаров, главный специалист управления, или по старинке, как было гораздо привычнее уху, – районный охотовед.

– Да ты послушай, послушай, что несет. Мне, говорит, твой админштраф по балде – сущие копейки. Испугал, мол, ежа голой жопой. Да ты, говорит, у меня

даже оружие изъять не сможешь. Нет у тебя таких прав.

- Ну, видно, дилетант тебе полный попался. В законах ни черта не смыслит. А, может, просто специально тебя подзуживает. А ты и рад стараться...

- Вот я и объясняю ему, Михалыч: ты дуру-то, парень, не гони. Да я у тебя вообще по первому же случаю браконьерства махом ствол конфискую - по 27.10. КоАПа. Это раз. А что касается охотпродукции, то отслюнявишь ты в казну, милок, за нее по самому что ни на есть максимуму - по рыночной стоимости. Плюс - возмещение ущерба Госохотфонду. Плюс охотхозяйству - упущенную выгоду. Но и это еще не все. А про УК РФ забыл, что ли? Да статья 258 по тебе, парниша, просто плачет. А там тоже - штрафец неслабый, а то и реальный срок светанет запросто. Это уж как повернется, как тебе, дурачку, карта ляжет. Так что закройся и не вякай.

- Ну и что - убедил ты его? Возражений не последовало?

- Да не тут-то было, Михалыч. Хрен ты, пишет, вообще меня уцепишь. Я, говорит, кабанчика вальну и тут же ноги сделаю. Ружьецо - домой и «у шкапчик». А потом чистый и непорочный к мяску вернусь. Даже, если вы успеете за это время тушу найти, по-любому делиться придется. Потому, мол, что он первым этот «чей-то» брошенный трофей обнаружил. А потому и при своем полном праве на находку. Ну а если мы все-таки рискнем на него «внаглую», «беспричинно» собак навешивать, он тут же в ментовку отзвонится: нашел якобы егерей при убитом звере. Приезжайте, разбирайтесь. Егеря сами этого кабанчика завалили, а теперь нашли без вины виноватого...

- Нет, - хмыкнул Назаров, - соображайка у него определенно варит. Ушлый малый.

- Дошлый, а не ушлый. Просто неученый, как видно. Ему наверняка еще ни разу всерьез рога не обламывали. Вот он и выпендривается.

- Ну, по большому счету, он, конечно, прав. Нам сейчас непросто с ними тягаться. И техника у них - не чета нашей. У каждого - полный привод. Мощнейшие вездеходы-внедорожники. И стволы, и связь. Вон уже многоканальные портативные трансиверы с собой таскают, ночники третьего поколения...

– Вот и этот брехунец мне про это взхлеб заливает: у меня, мол, многодиапазонная радиостанция. Вычислю и прослушаю кого угодно. И зарегистрирована она по всем правилам. Есть и разрешение на выход в эфир, и категория, и позывной. То есть у радиочастотного комитета ко мне – никаких претензий. Ни за что не подкопаешься. А, слыша вас, я легко скоординирую все свои действия. И из любой вашей облавы на раз вывернусь. Только и ищи ветра в поле. Причем и меня, говорит, и моих корешков вы при этом хрен услышите. Мы каналчик шифранем, и баста. А можем и вообще элементарно вас связи лишить. Даванем сто ватт – и амбец. Да еще и мобилы вам глушанем для надежности.

– Да, Борь, тут ему, засранцу, пожалуй, и возразить-то нечего. А что? Смогут ведь черти. Почему нет?

– Вот то-то и оно, что все они теперь могут. Все. Да нечего нам теперь фактически им противопоставить. Вот это-то мне и обидно, Михалыч. До соплей обидно. Получается, что мы теперь как натуральные клоуны – скачем перед ними, пупок рвем, а сделать толком ничего не можем. – Спустив пар, Кудряшов сплюнул и насупился. И, приотстав, содрав с кудлатой крутолобой головы черную формовку из нутрии, понуро поплелся сзади, след в след. Но на долгое время его не хватило. Уже через пару минут опять завелся, заворчал с раздражением: – И на кой ляд, спрашивается, нас вообще сюда забросили. Ни одного брэка[12 - Брэк – браконьер (проф. сленг).] за полдня не видели. И это по первотропу. Как будто у нас своих дел в районе не хватает. Это, как в поговорке, получается: «Жену отдам дяде, а сам пойду к бляди». Дурь какая-то... Да хоть бы в этот раз командировку вовремя оплатили. А то опять зажмут. Опять скажут, что на статье ни шиша нет. И крутись, как хочешь. Я уже заманался за свой счет по всему краю мотаться. Светка уже поедом ест.

– Ладно, Боря, не зуди. Завязывай. Не пеки блины на шиле. – Назаров остановился. Неторопливо осмотрел в бинокль крутой склон лежащей за глубоким распадком соседней сопки. – И хватит уже друг другу пятки топтать. Давай-ка поделимся. Так больше толку будет... Видишь, там, за марью, крутой взлобочек?

– Ну... вижу. Вроде бы... Это где подрост березовый?

– Да. Точно. Большая белая залысина. Вот там и сходимся. Ты, давай, сейчас по кромочке у подножия тyani потихоньку, а я здесь, по увалу, пойду. Понял?

– Добро. Ты только, Михалыч, подожди, пока я вниз спущусь. Я тебе отмашку дам, и потом одновременно потянем, чтобы не пришлось мне за тобой, высунув язык, гоняться.

– Ну, естественно, Боря. Естественно. Подожду, конечно.

Оставшись в одиночестве, Назаров вздохнул с облегчением: «Боря, конечно, мужик, что надо, но порой его нытье до самых печенок пробирает. Так бы и обложил при случае хорошим матюжком. Так ведь нельзя – обидится. Будет потом сутками буку из себя строить да молча, исподлобья косяки бросать. А это только делу помеха».

Спустил с плеча «СКС», повесил на ветку. Машинально, по привычке, полез в карман, но, вспомнив, что с куревом завязал, чертыхнулся в голос: «Вот же, ё моё, уже третий месяц, как бросил, а до сих пор все тянет и тянет. Все сосет и сосет, зараза. Прямо уши пухнут. И когда уже отпустит окончательно? Мученье, да и только».

Стылым колючим ветерком приятно дохнуло в разгоряченное лицо, и пряный настой тайги, на мгновение пробившись сквозь тонкий заслон еще не особо жгучего беззлобного морозца, слегка опьянил, ударил в голову. Назаров зачерпнул пригоршню невесомого, искрящегося на солнце снежка, прихватил сухими потрескавшимися губами и, с наслаждением ощутив на зубах его острый железистый привкус, привалился плечом к дереву: «И чего он все стонет да стонет: и того у нас нет, и этого? Ной не ной, а ничего ведь все равно не прибавится. Как говорил Ходжа Насреддин: «Хоть сто раз скажи «халва» – во рту слаще не станет». И зачем тогда себя изводить по-пустому, зачем себе лишний раз нервишки мотать? Ну нет, так и нет. Ну и что с того? Да мы их и без всякой дорожкой супертехники во все времена за шкуру брали. И впредь так будет. И никуда они, субчики ушлые, от нас не денутся. Как бы ни умничали, ни изощрялись. На каждую хитрую задницу, как известно, всегда надежный дюбелек найдется. Как ты ею, родимой, восьмерки ни выписывай».

И Борю, и себя урезонивал, а на душе давным-давно кошки скребут: «И о чем только они там на самом верху-то думают? Чего хотят добиться всеми этими своими бесконечными сокращениями да переименованиями, всеми этими глупейшими, совершенно непродуманными пертурбациями?»[13 - Пертурбация –

(лат. *perturbatio* – расстройство, смятение) – гравитационное возмущение. В переносном смысле – внезапное, резкое нарушение нормального хода какого-то процесса, вызывающее замешательство, смятение.] Сначала Москве напрямую подчиняли, потом в Россельхознадзор зачем-то засунули, а теперь – еще хуже – краевой администрации на растерзание отдали? Превратили нас уже в какое-то огородное пугало – ни сил, ни средств, ни нормальной материальной базы, ни прав, как таковых законных, у нас не осталось. Уже без диктофона, камеры и пары свидетелей лучше из дома и носа не казать. Все равно потом ничего никому не докажешь. Да и вообще, на какие «великие» деяния мы теперь способны, если у нас по одному инспектору на полтыщи квадратных километров осталось?.. Вот народ и озверел. Крушит и тащит – кто во что горазд, кто сколько проглотить способен. Уже и зверя практически извели, и рыбу электротоком выбили. Пустая тайга, мертвые водоемы. Словно одним днем живут: «А после нас – хоть потоп, а завтра – будь, что будет». Вот и опять крадется в голову крамольная мыслишка: «А вдруг и действительно, как Боря без конца талдычит, у нас и в Думе, и в правительстве натуральные вражины засели, накрепко окопались? И вовсе не по детскому недомыслию, а по какому-то коварному злему умыслу они все эти свои дебильные законы принимают, садистские эксперименты ставят, все это дикое непотребство из года в год вытворяют? Вдруг они действительно с руки какого-то большого забугорного дяди кормятся, а потому задались целью по его указке все наше природное богатство под нож пустить, под корень извести? Ведь и у коллег – в лесном хозяйстве и рыбоохране – такая же мутная неразбериха который год продолжается? Вот и складывается стойкое впечатление, что все наши природоохранные органы кому-то наверху давно мешают, давно поперек горла. Да другого объяснения всей этой дикой вакханалии просто и на ум не приходит».

Назаров с силой потер вспотевший лоб, отгоняя тяжелые размышления, поднял глаза и тут же, будто наяву, наткнулся на свежую вырубку – жуткую проплешину, пробоину на теле тайги. Огромные кучи отпиленных верхушек, голые короткие пеньки – жалкие останки вековых ильмов, лип и берестов... Скривился. Провел ладонью по лицу, и злое наваждение в тот же миг растаяло. Окинул потеплевшим оттаявшим взглядом лежащий под ногами распадок сплошь в желтоватых кудряшках низкорослой лещины с редкими островками стройных тонкоствольных березок, присыпанный снежком густой тенистый ельник, подступивший к самой кромочке высоченного скального обрыва. Поймал напряженным слухом безмятежное восторженное цвиньканье синичек, похожее на звон серебряных колокольчиков, и внутри понемногу начало оттаивать: «Слава богу, что сюда еще, в глубь тайги, пока не добрались. Не все еще извели.

Далеко не все. И не стоит, конечно, передергивать». А через минуту, уже совсем вернув себе приподнятое настроение, с которым каждый раз, из года в год, выходил в тайгу по первой пороше, весело сощурился: «Да красота-то ведь какая! Красотища! И чего еще нужно для полного счастья? Да ничего больше. Ничего – по большому счету. Все остальное – суета сует. Бесцельный, бестолковый бег по кругу... Вот и живи себе. Живи да радуйся. И пользуй понемногу, по-хозяйски, чтобы не слишком убывало. На долгие века же хватит... Эх вы – чучмеки неразумные!»

Славкин

– Так что скажешь? – громко спросил Славкин, остановившись за спиной эксперта, узкоплечего темноволосого субъекта, лет сорока с небольшим, низко склонившегося над столом, задвинутым в самый угол тесной прокуренной мониторной.

Тот от неожиданности вздрогнул, едва не выронив лупу из руки. Что-то невнятно приглушенно пробурчал и медленно, с показным достоинством, распрямив спину, повернул офисное кресло на четверть оборота и обратился лицом к вошедшему начальству:

– А пока могу... только предварительно. И только в общих чертах. А что тут можно определить на скорую руку, на глазок, с одним примитивным карандашом[14 - Карандаш алмазный – предназначен для определения подлинности камней. Похож на обыкновенную автоматическую авторучку.] и каратомером?[15 - Каратомер веерный – простая складная конструкция из никелированной стали, с помощью которой производится измерение алмазов от 0,01 до 6,0 карата.] – произнес с вызывающей интонацией, через верхнюю губу, всем своим видом демонстрируя крайнее неудовольствие проявленным по отношению к нему неуважением. Но, наткнувшись на опасно полыхнувший взгляд своего патрона, благоразумно потупился, пару раз торопливо кашлянул в кулачок, прочищая горло, и продолжил уже более покладисто, без чреватых последствиями нервных взбрыков: – Камни в основном средние – от 0,3 до 0,99 карата. И, естественно, преобладает кейп[16 - Кейп – алмаз с самым распространенным среди добываемых в мире желтоватым оттенком.], как и следовало ожидать. Но есть и очень интересные неординарные фэнси[17 - Фэнси

- fancy – фантазийные – цветные алмазы – чрезвычайно дорогие раритетные камни.]. Очень. Ну вот хотя бы этот уникальный ятер[18 - Ятер – голубовато-белый алмаз.] в два и два или вот этот шикарный ривер[19 - Ривер – совершенно прозрачный голубовато-белый.] в три карата. Да это практически – «чистая вода». Конечно, без рефрактометра[20 - Рефрактометр – высокоточный прибор для определения оптических характеристик драгоценных и полудрагоценных камней, их идентификации (показателя преломления RI, величины двойного лучепреломления и оптического знака).] трудно что-то утверждать окончательно, но...

- Сколько всего? – нетерпеливо перебил его Славкин.

- Извините, я не понял.

- Я спрашиваю – сколько всего карат?

- М-м... почти четыреста. Триста восемьдесят пять и четыре десятых, если быть точным.

- И на сколько в зелени все это может потянуть?

- Ну нет! Ну что вы?! Да это же просто нереально! Определить вот так, с ходу?

- Мне не нужна какая-то точная цифра. Я хочу знать хотя бы примерно – в каких порядках?

- Да нет, ну что вы? Вы просто требуете от меня невозможного...

- Почему?

- Почему, почему? – заартачился эксперт, и нотки презрительного возмущения по поводу прозвучавшего исключительно дилетантского, по его разумению, вопроса снова опрометчиво проскочили в его голосе. – Да нереально, и все! Да это же целую уйму времени займет даже в соответствующих условиях и при соответствующем профессиональном оборудовании... Ну вот, посудите сами... Если еще со всей этой мелочью и даже с этими крепкими середнячками хоть какая-то ясность присутствует, можно, на худой конец, с какой-то долей

вероятности прикинуть по оценочным таблицам... Ну вот, возьмем, к примеру, этот экземпляр в ноль девяносто восемь. Предварительно, по качественным показателям, – это где-то два и два. Здесь, по шкале, первая цифра – цвет, вторая – чистота... Ну это могу предположить навскидку, приблизительно... что-то около тридцати тысяч? Ну где-то так, по нынешним общемировым ценам... То насчет вот этих штучных раритетных я даже заикаться не хочу. Это же просто пустая трата времени. Только напрасно воздух сотрясать! Да тут же цена определяется по целой куче параметров! Да плюс к тому же – конъюнктура рынка...

– Ладно. Пока достаточно. Не мельтеши. Подробнее доложишь позже. Когда спросят, – оборвал эксперта Славкин и, развернувшись, шагнул к двери.

– Подождите.

– Ну что еще?

– Тут вот какое дело...

– Поконкретнее.

– М-м, понимаете... Есть тут одна небольшая странность... Дело в том, что четыре камня – вовсе не алмазы. Нет, не в той партии, что из хранилища. С нею все в порядке. А вот среди тех, что принесли из лаборатории... Это муассанит. Имитатор алмаза. Обыкновенный карбид кремния.

– Подделка, что ли?

– Нет, это тоже природный минерал естественного происхождения.

– Ну и что в таком случае в этом странного?

– В общем-то, ничего особенного. Но у них же есть ну... то есть... был и свой эксперт-контролер? Обязательно был. Без него же просто невозможно обойтись при таких масштабах промышленного производства. А потому у меня возникает вполне закономерный вопрос: как же он мог такое пропустить? Ведь это же – абсолютно детская ошибка. Да здесь же ничего и не нужно, кроме лупы. Вот,

обратите внимание. Можно вас на минутку? Подойдите, пожалуйста, поближе. – Эксперт ловко подцепил пинцетом небольшой камешек размером чуть меньше горошины, положил в выемку на черной поролоновой подушечке и пристроил сверху лупу: – Вот, видите? Видите эти нехарактерные для алмаза слишком яркие цветные вспышки? Это – следствие того, что у муассанита дисперсия[21 - Дисперсия – (от лат. *dispersio* – рассеяние) – разложение света.] гораздо выше. Кроме того, он анизотропен[22 - Анизотропия – неодинаковость свойств среды. Например, физических: показателя преломления и скорости света.]. А потому, вот еще, при просмотре через боковые грани, – хорошо заметное раздвоение ребер. Видите?

– Все это, конечно, интересно, но я повторяю, что здесь такого странного? Он меньше стоит?

– Да, практически ничего по сравнению с алмазом. Не больше полусотни долларов за карат. Но не в этом дело. Я не пойму, зачем его хранить вперемешку с настоящими камнями?

– Только не надо мне сейчас всякой мутью голову забивать. Заканчивай со своей экспертизой и шустро кейсы паковать. На все про все тебе – ровно десять минут. И ни минутой больше. Понял?

– Да-да, конечно. Я все понял. Я успею.

– Не сомневаюсь, – подытожил Славкин и, кинув короткий взгляд на массивный наручный хронометр, решительно переступил порог мониторной.

– Что у нас здесь? Закончили? – отрывисто бросил Краеву, оглядывая оценивающим придирчивым взглядом красочную картину хладнокровной бойни – результаты работы приданной спецгруппы. Трупы приисковых рабочих в зеленых комбезах и ярко-оранжевых касках. В одиночку и группами – по два, по три. В жирной, вязкой, перемешанной со снегом грязи полигона. В распахнутых кабинах тягачей и бульдозеров, замерших на пробитых в тайге широких и ровных просеках, у высоких дымящихся отвалов недавно выбранной породы, у буровой вышки.

– Практически – да. Осталось марафет навести.

- А ты – молоток. Быстро управился. Нигде не переборщил?

- Да нет. Не думаю.

- Следов не оставили?

- Обижаешь, начальник. Все путем. Нормалек. Комар носа не подточит... А этих-то куда? – спросил Краев, дернув крепким квадратным подбородком в сторону стоящих поодаль под дулом автоматов троих пока еще оставленных в живых кавказцев.

- Туда же – к хранилищу добавишь. Тут их, по логике вещей, быть никак не должно. В натюрморт не впишется. Он, по идее, должен был дожждаться, пока они скучкуются, чтобы всех шестерых разом замочить.

- Резонно. Андрюха твой, хоть и не профи, а все же с опытом. Так бы, в теории, и должен поступить.

- И вот еще, – сказал Славкин, вытянув из кармашка боевой раскладки упакованный в целлофан пульт дистанционного взрывателя. – Где-то там же, в том же районе вытряхнешь. Ну, не совсем рядом с хранилищем, за пару сотен метров. Здесь тоже – его пальчики.

- Понял.

- И отправь в мониторинговую бойца – пусть он этого хмыря оценщика поторопит. У вас в резерве – максимум минут двадцать. – И озабоченно окинув взглядом медленно ползущие от горизонта тяжелые свинцовые тучи, прибавил: – Видишь, какая херотень надвигается? Может так крутануть неслабо, что мама не горюй. Тогда и вертушку в воздух не поднимешь.

- Вижу, конечно. Сейчас сделаю. Железобетонно уложимся – будь спокоен, – заверил Краев и после короткой заминки, понизив тон, приблизившись к Славкину почти вплотную, с ледяным равнодушием спросил: – Сдаем все?

- Нет, конечно. Что за вопросы идиотские? Только то, что из хранилища. Все остальное – наш законный боевой трофей.

- Наш?

- Наш - с тобой.

- Вот это - дело, Саня! Уважаю, старина. Держи краба! - с нескрываемым восторгом прохрипел Краев, крепко пожимая протянутую ему навстречу руку Славкина, и, задержав ее в своих широких мозолистых лапищах, прирос преданным взглядом к его глазам: - А, может, все-таки Василия с собой прихватишь? В паре работать...

- Нет. Я же сказал. Там и одному-то делать нечего.

- Ну тогда - молчу. Бывай. Мы погнали. Удачи тебе, братишка.

Андрей

- Нет, Иван Семеныч, никуда мы отсюда пока не двинемся. Надо хоть чем-то подзаправиться. Да и запасик какой-то, хоть небольшой, сделать - на пустой желудок долго не протянем. В этот раз у нас с собой - никакого пайка. Да и вообще практически голые. Мы же с тобой сутками по тайге таскаться не планировали. За нас все решили. Так что ты тут пока посиди, у костерка погрейся, а я пройду пошарюсь. Может, удастся что-то приличное завалить.

- Так и я с тобой, Андрюша.

- Да что ты, бать? Какой из тебя сейчас охотник?

- А твоя правда. Никакой, - повинился Семеныч и понурился. - Одна обуза только тебе будет. Ну, иди тогда, коли собрался. А я здесь пока, у костерка, покукую.

- Да я недолго. Так только - покружу поблизости. Максимум - часик-два. Дров тебе пока что хватит?

- Так я палить-то сильно не стану. Теплынь же стоит. Ну, иди, иди.

Не успел отмотать от бивуака и сотни метров, как вскинулся почти из-под ног, взвихрив облачко снежной пыли, черный, как смоль, маньчжурец[23 - Маньчжурец (маньчжурский заяц) – мелкое млекопитающее рода зайцев. Распространен на юге Дальнего Востока. Длина тела 40–55 см при весе 1,3–2,5 кг.], размером с недельного котенка. Резко скинулся на сторону и, отбросив на острую спинку крошечные, узкие, как листики плакучей ивы, ушки, задал стрекача во всю прыть. «Вот зараза! – опуская машинально вскинутый автомат, возмутился Андрей. – Сидел же до последнего! И разговор наш, конечно, слышал. Но сидел упорно – в надежде на авось».

Но, пройдя еще полста шагов, Мостовой догадался, в чем было дело, почему косой проявил такую совсем не свойственную ему беспечную неосмотрительность. От плотно утопанного пяточка за присыпанной снегом колодиной тянула в обратку поверх прибылых следов ровная, как чертежный пунктир, лисья стежка. Близкое присутствие людей помешало рыжей бестии пристигнуть загнанного зайчишку. Не решилась продолжать преследование. Потопталась, облизнувшись, да убралась восвояси. А косой решился на полную авантюру, из двух зол резонно выбрав меньшее. Очертя голову проскочил еще на полсотни метров и только потом затихарился под кустиком в рискованной близости от двуногих недругов. Этот отчаянный шаг, вряд ли продиктованный тонким расчетом, и спас его, бедолагу, от скорой и неминуемой гибели.

Долгое время впустую, безрезультатно бил ноги по буеракам – никак не фартило. Ошарашенный первым снегопадом, крепко облежавшийся под ураганом серьезный зверь, еще не отважился покинуть место ночевки, чтобы ненароком не выдать своего присутствия. А потому следов было очень мало. В основном встречались заячьи и колонковые. Пару раз натыкался на отдельные козлиные, но тропить по ним было бесполезно – проскочили на махах, с явного перепугу.

Уже отчаявшись, собирался повернуть к бивуаку, когда наконец впереди забрезжила удача – набрел на свежую, еще не остывшую, теплую на ощупь кабанью лежку. Зверь покинул ее всего несколько минут назад. Но самое важное – уходил он с лежки совсем неторопливо, короткими шагами – не больше полуметра, «елочкой», широко расставляя ноги, очевидно, не особенно тревожась, не успев еще толком разобраться в причинах своего смутного

беспокойства. Это было, конечно, Андрею на руку. Появлялся реальный шанс подобраться к вепряку на прицельный выстрел.

По размеру отпечатка следа в пятнадцать-шестнадцать сантиметров можно было с полной уверенностью определить, что это взрослый секач-одиночка, неслабо заживевший на обильной кормежке. Лесная подстилка в четком наследе была буквально впечатана, втиснута в прихваченную морозцем землю, будто раскаленным тавром.

Андрей спокойно огляделся, зная, что теперь любая спешка только боком выйдет. Прикинул по направлению следов, куда примерно мог направиться кабан: «Естественно – под ветер потащился. Лощиной по-светлому вряд ли потянет? Слишком открытое место. Скорее всего, пересечет вон ту кривую балочку и свернет на закрайку леса. Если сумею, не подшумев, быстро обогнуть сопку, появится шанс перехватить его на следующем распадке. А что? Попробую. Взять с подхода скрадом все равно не получится. Снега хоть и немало вроде навалило, но он еще не успел осесть, утрамбоваться как должно, а потому опавший неперепревший лист из-под него гремит на всю округу. Ясное дело – издали меня услышит и тут же на рысь перейдет. И тогда все – облом. Пиши пропало».

Обходной маневр, вопреки ожиданиям, занял не меньше получаса, хотя поначалу предполагал, что на это уйдет не более пятнадцати минут. Где-то на середине пути уткнулся в такую непролазную крепь, что просочиться через нее, не всполошив при этом всю лесную живность на многие километры в округе, было просто нереально. Пришлось забирать пошире, поохватистее. Потому и добрался до следующего распадка в соплях и мыле, вывалив язык на плечо. Отплевался, согнал хрипоту. Но сердце еще долго заходило, бухало в груди, как набатный колокол.

Появился дикий соблазн вылезти на самый гребень горы, чтобы оттуда отсмотреть медленно бредущего вепряка. «Нет, пожалуй, что не стоит, – вовремя одумался. – Даже если и увижу, это ничего не даст. Там же до подножия будет не меньше четырехсот метров. А у меня все-таки не «СВД». На таком расстоянии надежно завалить такую тушу вряд ли получится. А при легком ранении он пойдет и пойдет километры наматывать. И пластайся потом за ним по тайге сутками в призрачной надежде на то, что он на очередной лежке кровью истечет».

Спустился ниже по распадку. Нашел максимально удобное место для засидки, с которого хорошо просматривалась лесная закрайка на обе стороны. На совесть обтоптался, обломал все сухие ветки в непосредственной близости, чтобы в самый неподходящий момент нехстати под руку не попались. Снял автомат с предохранителя, пристроил в широкой развилке заваленного бурей тополя, облюбявив палец, еще раз надежно проверил ветер и замер, весь превратившись в слух.

Минуты щелкали одна за другой, но в лесу по-прежнему стояла гробовая, ничем не нарушаемая тишина, как в едва остуженном молодом горельнике. Он словно вымер весь. Ни шебуршни мышиной, ни птичьего щебета. «А вдруг он все-таки в лощину ломанул? – услужливо заворочались в голове каверзные мыслишки. – А я только напрасно здесь время теряю? Жду, как простачок наивный, вчерашний день?» И только когда уже начало ощутимо прихватывать морозом вспотевшую спину и ноги в надетых на один носок, плотно зашнурованных берцах, донесся наконец из-за недалекой, невысокой гривки сухой негромкий треск кустов.

Кабан продрался на чистое, с силой втянул в себя воздух, издав громкое протяжное сопение, и застыл как вкопанный, словно его моментально стреножили. Хвост задрал вопросительным знаком, клыкастая заостренная морда высоко приподнята. «Только б ветерок не поменялся! – похолодело в груди у Андрея. – Только бы от меня на него не пахнуло! – Осторожно повернул ствол, положил под цель. Нащупал пальцем спусковую скобу. – Вот, черт! Стоит же просто по-дурачки – точно рылом ко мне! А в черепушку бить – чревато рикошетом. Может только чиркнуть по касательной. Придется в горло – прямо над калканом»[24 - Калкан – характерная особенность взрослых кабанов-самцов – хрящевой подкожный нарост-панцирь на груди и шее.]. Поплотнее прижал к плечу неудобный, непривычно узкий затыльник металлического приклада. Тщательно прицелился. И тут, за какую-то долю секунды до выстрела, когда уже полностью выбрал свободный ход курка, вопреки неожиданно сорвался с места и в мгновение ока исчез за гривкой, растворился в воздухе. Затворная рама дважды противно клацнула, выбрасывая далеко на снег напрасно отстрелянные гильзы. Вздогнул и завалился срезанный выстрелом молодой кленок в палец толщиной. И чувство жгучей досады пробило от пяток до макушки: «Вот же ё...! И чего ты мечешься, как припадочный?! Как будто перцем тебе задницу посыпали!»

Влепил сгоряча кулаком по обледенелому тополю и охнул от пронзившей костяшки острой боли. Потряс рукой, подул на нее, засунул ее в карман куртки:

«Ну это ж надо было столько времени корячиться, по чашобе пластаться, чтобы в итоге так бездарно капитальный шанс прошляпить?! Ну прямо стремная невезуха какая-то!».

Нащупал в кармане сплюсненную сигаретную пачку. Вытащил. Поглядел в нее и шумно выдохнул – от последней сигареты осталось жалкое крошево. Скомкал, отшвырнул в сторону. Закинул автомат за спину и, резко повернув голову, прислушался. Показалось, что где-то совсем рядом снова шумануло. Развернулся. Сделал несколько коротких мягких шажков и снова, стащив с плеча, крепко сжав автомат в руках, приподнял его на уровень груди.

Очень скоро стал отчетливо слышен шорох снега, хруст валежника под чьими-то размашистыми уверенными шагами. Но на зверя это было совсем не похоже. А когда источник звука приблизился, Андрей увидел, что напрямик к нему, в ускоренном темпе, целенаправленно топают два крепких вооруженных мужика. Мостовой отступил за дерево, опустил автомат, продолжая сжимать его обеими руками, оставаясь в полной готовности при необходимости пустить его в ход.

В десятке метров от Андрея незнакомцы одновременно, словно по команде, стопарнули, хотя никто из них не проронил ни слова. Остановились и молча с карабинами за спиной уставились на него в упор. Оба в светлом зимнем камуфляже. Среднего роста, но плотного телосложения. У одного, лет эдак под пятьдесят, в высоких – под самое колено – лохматых собачьих унтах, на сбитой к затылку армейской офицерской шапке – перекошенная кокарда с какой-то светло-зеленой золоченой эмблемой. У другого, на десяток лет моложе, в самошитой формовке из нутрии и легких камусных[25 - Камус – кожа, снятая с ноги сохатого или изюбря.] ичигах, к бушлату приколот такой же, как и кокарда у первого, – золотой с зеленым – именной жетон. «Лесники или егеря, – с ходу определил Андрей, но и после этого желания хоть на секунду расслабиться у него не возникло: «А, может, просто ряженые, а на самом деле у Славкина на подхвате? Да запросто. У них же на физиономиях не написано».

Напряженное бессловесное противостояние грозило надолго затянуться. Но Андрею было недосуг играть с мужиками в переглядки. Его давно заждался оставленный на бивуаке Семеныч. И он намеренно обострил ситуацию, провоцируя дальнейшее развитие событий:

– Ну и что дальше? – произнес с вызовом. – Что нужно?

– Чё ты нукаешь? – моментально вспыхнул обладатель номерного жетона и сердито притопнул. – Чё ты нукаешь?! Гони путевку, лицензию, документы на оружие! Совсем, блин, охренели...

– Подожди, Боря, – спокойным, но не предполагающим возражения тоном прервал его словоизлияния напарник. Сделал шаг вперед и представился: – Главный специалист охотничьего надзора Назаров.

– Стой на месте, – тут же, поведя стволом в его сторону, предупредил Андрей. – Еще шаг, и стреляю на поражение. Понял?

– На каком основании находимся с оружием в охотугодьях? – невозмутимо продолжил мужик, никак не отреагировав на угрозу, и слегка прикоснулся опущенной, свободно висящей вдоль туловища рукой к накладному боковому карману бушлата, что не осталось без внимания Мостового. – На каком основании охотимся?

– А ты видел, что я охотился? – еще больше нагнетая обстановку, огрызнулся Андрей. – Или у меня – оружие охотничье? Ты что, армейской формы никогда в глаза не видел?

– Сейчас в таком обмундировании – каждый третий. А никаких воинских знаков отличия я у вас вообще не наблюдаю. И что касается оружия...

– Так. Все, – грубо перебив мужика, отрезал Мостовой. – Заканчиваем всю эту канитель, болтовню пустопорожнюю и тихо расходимся. Тихо, я сказал. По-мирному.

– А вот тут ты промахнулся, паря! – вспыхнув, снова подключился к разговору молодой. – Да мне по барабану – военный ты или полувойенный! Раз я тебя в тайге с оружием застал – гони документы. А если нет в наличии – погребешь со мной, куда скажу, как миленький. А там еще разберемся, что ты за вояка. Может, за тобой не один жмурик числится. Может, ты завалил кого-нибудь из сослуживцев и из части в бега подался.

– Как вижу, по-хорошему у нас не выйдет, – недовольно поморщился Мостовой и, резко вскинув, прижал к плечу автомат: – Тогда так, мужики, оружие и рюкзаки – на снег и пять шагов назад. – И побыстрее! Некогда мне тут с вами долго

канителиться. Ну, чего застыли, блин? Быстро, я сказал! Оружие – на снег! И ни одного резкого телодвижения!

– Н-ну, ну, ты за это поплатишься! Т-точно тебе говор-рю, – процедил сквозь зубы неугомонный ершистый оппонент, дернулся, но, заметно побледнев под моментально наведенным на него стволом автомата, все-таки осадил на пятки. – Ты... Ты... Вот говнюк! Считай, что ты себе, парень, уже статью однозначно накрутил. И не одну! Да я не я буду!

– Дальше отступили. Еще дальше. Вот так. Стоим на месте, – скомандовал Андрей, убедившись, что егеря выполнили все его требования. Зажав автомат под мышкой, поднял лежащие на земле карабины и, сместившись немного в сторону, поочередно их разрядив, забросил обоймы подальше в снег, чтобы невозможно было их по-быстрому отыскать, проверил содержимое рюкзаков и после короткой паузы отдал новую команду: – Теперь снимаем бушлаты, кладем на землю и отступаем еще на пяток шажков назад. – Подождал, пока они отойдут на безопасное расстояние. Один за другим вывернул все карманы. В боковом, у Назарова, как и предполагал, нашел включенный диктофон. Пришлось вытащить из него кассету, а из найденных позже портативных коротковолновок и сотиков аккумуляторные батареи. – Вот это – батарейки и кассету – я у вас, мужики, естественно, конфискую. И без обид. Иначе у нас с вами никак не пролазит. Такие уж, к сожалению, сложились обстоятельства. А теперь, парни, расстаемся. Как и сказал – по-тихому. Каждый – в свою степь чешет. И не вздумайте только по дури за мною следом увязаться. Очень я вам это не советую. Очень. Отстреляю, мужики, запросто, на ять, и секунды не раздумывая... Ну все, ребята. Я пошел. Счастливо оставаться.

Возвращался на бивуак по своим следам. Так было дольше, но надежнее – стопроцентная гарантия, что нигде не плутанешь, не залезешь в непролазный бурелом по глупости, надеясь покорооче срезать путь.

Первое время часто останавливался и, обернувшись, напрягал слух в опаске обнаружить погоню. Потом, окончательно убедившись, что сзади однозначно нет хвоста, успокоился и прибавил шаг: «А мужики, как видно, вовсе не тупые. Прониклись пониманием. Вняли моим увещаниям. И это правильно. Совсем бы не хотелось мне с ними по-взрослому хлестаться... Как жаль, что не могу я им довериться. Никак не могу. Сейчас никому верить не имею права. А нам бы с дедом их помощь отнюдь не помешала. Лишней бы точно не была... Жаль.

Чертовски жаль! Эх, если бы...»

Айкин

Вода журчит под оморочкой, Ханина – ранина.

Солнце жарко пригревает,

Ханина – ранина, —

тихонько припевает Айкин Пильдунча. Идет по тайге не спеша, смотрит кругом веселыми глазами. Денек хороший. Ласковый. Свежий белый снежок скрипит и скрипит, шуршит и шуршит, отгоняя все дурные мысли.

Идет себе и идет помаленьку. Щуплый, широкоскулый, кривоногий. С темно-лиловым «фонарем» под левым глазом. В перепачканной золой подранной темно-синей фуфайке и растоптанных старых торбасах из ровдуги[26 - Ровдуга – кожа сохатого.]. На голове – дрянная шапчонка из весенней ондатры, истертая по краям до самой мездры. За плечом – худой солдатский вещмешок, почти пустой. Ничего там нет, кроме завернутой в мешковину трезубой острожки, короткой обструганной дощечки, мотка прочной нейлоновой бечевки с сетяной подборой и маленького топорика с кривой щербатой ручкой.

Ханина – ранина, —

напевает Айкин, и оживает у него перед глазами светлая знакомая картинка.

Вот он плывет на своей любимой оморочке[27 - Оморочка (берестянка) – лодка из бересты на тонком деревянном каркасе.]. Легонькой, верткой, разгонистой. Возвращается домой с хорошим уловом, изредка помахивая длинным тонким веслом.

Мутная желтовато-серая озерная вода льется, стелется под плоское днище, журчит и журчит, звенит и звенит. А под расстеленным от пояса к носу лодчонки брезентовым фартуком громко чмокают, тяжело ворочаются, шлепают по ногам жирные сазаны и толпыги[28 - Толпыга – толстолобик (местн.)], блестящие, как

надраенное бархоткой серебро, сиги и пятнистые темно-шоколадные ленки.

Плывет и плывет, напевая, Айкин, радуясь богатому улову, теплому осеннему деньку. Сидит, тихонько покачиваясь из стороны в сторону да знай себе помахивает легоньким, почти невесомым, хватистым веселком. Млеет, щурясь под ярким солнышком, подставляя прохладному приятному ветерку вспотевшее лицо.

Ханина – ранина...

Какой хороший денек!

Скоро приеду домой,

Ханина – ранина.

Мама ждет! —

удар весла.

Брат ждет! —

удар весла.

Хрипло выводит Айкин, перевирая, переделывая на свой лад слова старинной нанайской песенки, слышанной еще от деда, и вдруг резко замолкает. Хмурится, больно покусывает задрожавшие губы, замедляет шаг. Неуловимый миг, и все пропало. И нет уже перед глазами светлой, хорошей картинки из прошлого. Раз – и исчезла, растаяла без следа. «Неужели ничего этого больше никогда не будет? И мамы не будет? И брата?»... Говорят, что это он, Айкин, их убил. Зарубил топором по пьянке. Зарубил и сжег вместе с домом. Но он до сих пор не верит в это. Все еще не верит, потому что почти ничего о случившемся не помнит.

Помнит только, как ему сильно повезло, как подстрелил рогача-изюбря из малопульки[29 - Малопулька – мелкокалиберная винтовка (местн.)] прямо в сердце. Как они с братишкой Болдой уплетали за обе щеки его еще теплые хрящеватые ноздри, вкусный мясистый язык, отхватывая по кусочку у самых губ отточенными, как бритва, ножами. Болтали с набитыми ртами, то и дело, в избытке чувств, похлопывая друг дружку по плечам, по коленкам, по голове.

Помнит, как смешно тараторила улыбающаяся мама, носилась по летнику из угла в угол, накрывая на стол. Как потом набилось в дом полпоселка. И все одновременно возбужденно галдели и жадно жевали, уплетали за обе щеки, расхваливая, причмокивая от удовольствия, жирную бориксу[30 - Борикса - жирная кета со шкурой (удэгг.)] и макори[31 - Макори - чистое мясо кеты без костей (удэгг.)], слегка отваренную, с кровью, оленину, свежеприготовленную, щедро приправленную уксусом талу из замороженных сигов и ленков, строганину из сырой изюбрячьей печени и запивали обильное щедрое угощение приторно сладкой недобродившей бражкой и дешевой вонючей паленой водкой. Пили и ели. И снова пили. Без усталости, без остановки. Весь день, всю ночь.

Помнит еще, но уже совсем смутно, как потом громко, брызгая слюнями, что-то визгливо кричал окосевший братишка Болда, мертвой хваткой вцепившись ему в грудки. Кричал что-то очень плохое, очень обидное. Что-то совсем неправильное. Кричал и кричал. Орал и орал, как больной, как бешеный...

А дальше - все. Провал! Одно сплошное темное пятно...

Айкин остановился. Задумчиво поковырял в носу, чихнул. Потер костяшкой шершавого грязного пальца переносицу: «Нет. Не буду. Глупо все время об одном плохом думать. Совсем глупо. Тогда совсем худо становится. Вот и не буду. Назло не буду. Только о хорошем». Покачал головой. Грустно, через силу улыбнулся и услышал, как громко забурчало в пустом животе. Сразу же сильно кушать захотелось. Очень захотелось. С самого утра ничего не ел.

Но ружья с собой нет. Ничего нет, а до речки еще идти и идти. Там, конечно, он все равно какой-нибудь рыбки опять наловит. На то он и ульча[32 - Ульчи - (самоназвание нани, ульча - «местные люди») - малочисленная тунгусо-маньчжурская народность, проживающая в бассейне Нижнего Амура. Традиционные промыслы - круглогодичное рыболовство и охота.]. Но ведь это еще не скоро будет. Впереди еще два тяжелых затяжных перевала. «Что же делать? - озадачился Айкин. - Желудей накопать? Но ведь этим сыт не будешь... Зайца днем все равно не поймать. И фазана приспавшего в снежной лунке тоже только в темноте палкой убить можно. Да и то такая удача очень редко выпадает». «Карр-арр», - прозвучало откуда-то сверху. Вскинулся так, что шапка с головы слетела. Увидел на макушке высокой березы внимательно наблюдающую за ним серую ворону. Насупился, сердито притопнул ногой и

гаркнул на нее во все горло: «Чё ты приперлась, дура глупая?! Не летай за мной! Не видишь, что ли, самому лопать нечего?!»

Выместив зло на вороне, Айкин в сердцах сплюнул, поднял шапку, отряхнул ее от снега, но надевать не стал – жарко. Огляделся, наметил себе цель и решительно направился к синему вдали кедрачу: «Хоть пока орешками брюхо набью. И то тогда веселее будет».

Шишек попадалось совсем мало – неурожай. Да и те почти сплошь пустые, погрызенные белками да мышами. Долго пришлось лазить по колена в снегу, пока удалось насобирать с десятков кривых, но хоть местами целых.

Разломал одну уродливую, скобоченную, наполовину источенную червяками. Наковырял из нее малую жменьку мелких смолистых орешков. Уже намеревался пустить их на зуб, но так и застыл с открытым ртом, услышав негромкое ворчливое квохтанье. А через мгновение в редком молодом подросте замелькали крупные птицы. Вспорхнули с земли и тут же расселись на разлапистой елке. «Асанна?![33 - Асанна – дикуша (нанайск.) – одна из редких и малоизученных птиц семейства тетеревиных, обитающая на горно-таежных участках Сихотэ-Алиня. Совершенно не боится человека, что поставило вид на грань полного уничтожения.] – стукнуло в башку. – Вот же здорово! Вот так повезло мне!» Тихонько стащил вещмешок с плеча, развязал его, достал топорик. Стараясь не слишком шуметь, срубил тонкий прямой кленок, очистил его от веток. Быстро смастерил из обрезка бечевки петельку, сноровисто приладил ее к концу палки.

Подходил к облюбованной птицами елке, пригнувшись, крадучись, ставя ногу на носок. Может и не стоило так сильно, чересчур, осторожничать, но уж очень не хотелось ему упустить такую редкую удачу.

На нижней ветке притаился петушок. Черно-бурый, с ярко-красными надбровьями и разбросанными по всему оперенью белыми, рыжеватыми и бледно-охристыми пестринами. Увидев подошедшего к дереву человека, он недовольно фыркнул, передернул головкой, втянул ее, нахохлился и замер, бесстрашно буравя недруга темными бусинками блестящих любопытных глаз.

Зная по опыту, что долго испытывать терпение птицы все же нежелательно, Айкин еще с подхода, аккуратно завел и накинул петушку на шею веревочную

петельку и, качнувшись вперед, резким рывком палки затянув ее, ловко сдернул пойманную дикушу с ветки. Вытащив из петли, быстренько прикусил петушку голову и сунул его, еще не обмякшего, еще продолжающего возмущенно трепыхаться, за пазуху, между расстегнутыми пуговицами заправленной в штаны рубашки.

Блеклые, окрашенные не так броско, как самец, светло-пегие самочки все-таки не усидели на месте при виде жуткой расправы над главой семейства, благоразумно перебрались поближе к середине елки и только там затихарились вновь. Но, как только Айкин, подпрыгнув, зацепился за толстую ветку, намереваясь вскарабкаться за ними вверх по стволу, дружно снялись с места и упорхнули, напуганные неожиданно пролетевшим поблизости от дерева канюком[34 - Канюк (обыкновенный) – вид хищных птиц рода «канюки» семейства ястребиных.].

Айкин спрыгнул на землю, немножко, для порядка, поругался на ястреба, зловредно, из чистой зависти, по его глубокому убеждению, испортившего чужую удачливую охоту. Достал из-за пазухи убитого петушка, немного подержал его на ладони, любуясь красивой птичкой, а потом, примерившись, вонзил ему зубы чуть пониже шейки. Выплюнул попавшие в рот перья и, снова укусив, присосался, чувствуя, как вкусной теплой кровью начинает приятно обдавать гортань. Можно было зажарить птицу на костре, но оставшиеся в коробке считанные спички надо было поберечь. Конечно, он и без них, при помощи лучка и вставленной в сухое трухлявое полено палочки всегда себе огонь добудет (Пудя[35 - Пудя – дух-хозяин огня и домашнего очага (ульчск.).] добрый, в беде не оставит), но не хотелось ему пока долго с этим возиться. Да и сырое мясо посытнее будет. Дикуша-то совсем маленькая. Очень трудно такой малостью серьезный голод утолить.

Напившись крови, Айкин быстро, в несколько движений, ободрал тушку. Подрезав шкурку на голяшках, стащил ее чулком прямо с перьями. Разрывая нежное расплзающееся под пальцами слегка отдающее хвоей мясо, аккуратно по кусочку переправил его в рот. Умял дикушу с большим аппетитом, даже мелкие косточки зубами перемолол, оставив только две толстые трубчатые.

Управившись с петушком, облизал пальцы. Звучно отрыгнул, удовлетворенно погладил живот и, не разгребая снега, бухнулся боком в сугроб. Поворочался, словно зверь на новой лежке. Уселся на корточки, пристроив локти на широко расставленные колени. Зажмурился, уронил голову, крепко обхватил ее руками,

покачнулся, всхлипнул и тихонечко по-бабьи заскулил.

Славкин

Это мудрое толковое решение давно напрашивалось на ум. Да что там – напрашивалось. Бродило в голове долго и муторно. Но окончательно вызрело только накануне начала «работы» по прииску: «На этом все. Баста. Последний дембельский аккорд – и сваливаю в сторону». Нутром почуял – обстановка в верхах реально накаляется, становится неадекватной, непредсказуемой. Слишком уж много в последнее время стали спускать оттуда каких-то размазанных, двусмысленных, двойко читаемых приказов. В «конторе», похоже, грядет какая-то очередная паскудная рокировка, а может, и новое сокращение. Опять будут резать, кромсать по живому, невзирая на лица. А это значит у пешек на «земле» – все больше шансов слететь с доски независимо от КПД и результатов «труда». А то и хуже – попасть в разряд козлов отпущения. Пешкой жертвуют без раздумий. Незаменимых, как известно, нет. Да будь ты хоть суперпрофи, хоть супер-мупер. У каждого – свой строго ограниченный временной ресурс. Своя персональная программа отработки. Отбарабанил, и списали. Однозначно. Без альтернативы. Такова «селяви». Тем более теперь, когда «контора» давно перестала блюсти сугубо государственные интересы. Такая же частная лавочка, как и все остальные. А то, что ты под завязку набит чужими секретами и давно в деталях знаешь многое из того, что тебе по рангу вроде бы и знать-то не положено – вовсе не преимущество, а только отягчающее «вину» обстоятельство. И никак не иначе. А потому вариант один-единственный – соскочить заранее, не дожидаясь вывода на «пенсию» без «времени дожития». Исчезнуть со всех радаров, обрубить хвосты и раствориться. Упустишь нужный момент – и тупо жди «заупоконную». Это, как в казино у рулетки: не сумел, не успел остановиться – проигрался в прах. Не был бы идиотом – отвалил от стола еще при фишках.

Но и тут ведь тоже свои тонкости. Уходить ведь тоже надо правильно, по уму, при полном окончательном расчете. Так, чтобы никого из своего непосредственного начальства при этом ненароком не подставить. Чтобы не осталось у тебя перед ним никаких серьезных долгов. Никаких неоконченных дел, не до конца исполненных задач за тобой не числилось. Тогда и никаких существенных претензий у него, родимого, к тебе не останется. А потому и с меньшим рвением, по крайней мере без жгучей личной заинтересованности, без

личной обиды за твои поиски возьмется. А это уже – немалый плюс. Тогда уже не пятьдесят на пятьдесят – вероятность того, что выживешь, а все шестьдесят, а то и семьдесят на тридцать. А это уже вполне приличный процент. Вполне приличный. При таком проценте грех не рискнуть. Да просто грешно не попробовать.

Непогоду вполне комфортно переждал в дупле векового ильма, издали проверив его портативным ручным тепловизором. «Квартирка» оказалась незанятой. По какой-то неведомой причине привереда белогрудка от нее отказался. Что его конкретно не устроило, было непонятно: достаточно широкое – больше метра в поперечнике, глубокое и сухое. Поэтому отключился легко. Провалился в сон буквально сразу, моментально по давно отработанной методике убрав из сенсорного восприятия все внешние раздражители.

Убежище покинул с рассветом – бодрый, отдохнувший, готовый к действию. Умылся свежим снежком. Выудил из внутреннего кармана куртки тонкий компактный планшетник. Включил его. Полистал. Отыскал нужную страницу и, приглядевшись, удовлетворенно хмыкнул – «маячки» опять пришли в движение: «И это правильно, Андрюха. Это правильно. Нашел, помацал и вернул на место. Какие заморочки раньше времени?»

Двигаться решил на минимально допустимом удалении от объекта наблюдения, оставляя себе возможность вовремя среагировать на любую возникшую вокруг него нештатную ситуацию. И она не заставила себя долго ждать. Время подходило к полудню, когда при очередном включении тепловизора на экране неожиданно появились две новых «цели». Быстро выдвинулся вперед. Залег на господствующей над местностью высотке. Приник к монокуляру.

Затянувшийся «базар» Андрюхи с егерями заставил мал-мал понервничать: «Неужели посвятит посторонних в свои проблемы? Невелика беда, конечно. Где два, там – и четыре, и пять и шесть, но лучше бы лишние бараны под ногами не путались. Их и так на неурочный «курбан-байрам» – уже с избытком набралось». Но опасения оказались напрасными – конфликтная ситуация разрешилась вполне благопристойно и даже благоприятно: Андрюха рванул обратно к деду, а «опущенные» им ретивые служаки остались на месте. Теперь необходимо было отследить, как они поведут себя в дальнейшем. Не рванут ли сгоряча за Мостовым вдогонку, отважившись на «благородную вендетту». Но и тут повезло: пока, по крайней мере, не отважились. Потоптались еще с десятков минут на

месте разборки и понуро поплелись в противоположную сторону от той, куда направился их обидчик. А потому появилась возможность перекусить и даже какое-то время слегка покемарить.

Славкин отполз за гребень сопки. Поднялся на ноги и, присмотрев удобный закуток в заветрии, спустился еще на десяток метров вниз по склону. Расположился на широком плоском валуне, предварительно очистив его от снега. Достал из рюкзака спиртовку, квадратную из мягкой фольги коробушку гречки с мясом из армейского сухого пайка. Согрел ее и принялся за еду. Неторопливо перемалывал пресную безвкусную кашу крепкими челюстями, волевым усилием отгоняя от себя тут же возникшее раздражение: «Вот сучки хитрозадые! Тушняка уже вообще с гулькин хрен кладут! Да от такой кормежки боец и болт в руках не удержит». Но все-таки, пересилив себя, добил открытую банку до конца, выбрав ложкой все до последней крупинки. Аккуратно сплющил контейнер в ладони в тугой комок, засунул поглубже в снег. Появилось страстное желание открыть еще одну баночку с чем-нибудь более существенным, с языком или колбасным фаршем, но, взвесив все «за» и «против», передумал. Отхлебнув из двухсотграммовой карманной фляжки глоток коньяка, протолкнул в горло беспонтовую пайку. Закурил: «Надо будет с темнотой какую-нибудь дичинку подстрелить. Отойду подальше и вальну. Консервы желательнее попридержать. Их использовать буду только в крайнем случае. Неизвестно еще, сколько придется за ними по тайге таскаться... Да уж быстрее бы закончить всю эту тягомотину, – подумал, но тут же поправился, съязвив по поводу своего неожиданно возникшего мальчишеского нетерпения: – Расслабься, паря. Не пыли. Ну, чем тебе не отпуск перед дембелем?»

Назаров

– Да это ж – позоруха дикая! – кипел от негодования Кудряшов, безуспешно пытаясь очистить от снега словно живую, прыгающую в руках обойму. Его в буквальном смысле слова трясло, ломало, на куски разрывало от беспредельного возмущения. – Да сколько живу, меня еще ни одна подлючка так лихо, с головой в дерьмо не опускала! Мало того, что он нас, как пацанов, разоружил, так он еще и связи нас лишил, брэчара недоделанный! Не-е-ет, нельзя, Михалыч, такое им спускать. Нельзя, я тебе говорю! Иначе вообще оборзуют, на шею сядут. Ну, что я не прав, что ли? Не прав, да? Ну, чего ты молчишь?

– Да прав ты. Прав, Боря. Только успокойся, – внешне невозмутимо откликнулся Назаров, но и у него на душе после произошедшего инцидента остался весьма неприятный осадок.

– То-то и оно, что прав, Михалыч! Прав, естественно. Да если наши, не дай бог, узнают, как мы тут с тобой на пару перед этим говнюком пузыри пускали, позору ведь потом не оберешься! Да на каждом углу склонять начнут. Да все, кому не лень! Все до последней кости перемоют. И только одно нам тогда останется – или удавиться, или уволиться к едрене фене. Все равно больше никакой жизни у нас с тобой не будет. Никакой! Это я тебе, Михалыч, гарантирую. Не-е-ет, ты как хочешь, а я этого Рэмбо доморощенного все равно достану. Достану и упакую по всем правилам. Никуда он от меня не денется.

– А ведь он, Боря, стрелять на поражение будет. Определенно будет. Ты на его глазишки внимание обратил?

– Да какие там глаза, Михалыч? Ну какие, к черту, там глаза? Да он же понтует просто. На испуг нас с тобой берет. А у самого небось поджилки трясутся...

– Да нет, Борь, тут ты не скажи. Разоружил он нас вполне профессионально. И ни одна жилка при этом на лице не дрогнула. А взгляд у него – точно нехороший. Тяжелый взгляд, Боря, мутноватый какой-то, как у наркоши обколотого. Как будто на курок ему нажать – раз плюнуть. Просто не захотелось ему в этот раз по какой-то причине на себя мокруху брать. Но только вовсе, как я думаю, не из боязни и не из жалости, а из каких-то там своих чисто деловых прагматичных соображений. Да ты и сам, конечно, все это вовремя почувствовал. Иначе б обязательно в драчку ввязался. Я ж тебя знаю...

– Хочешь сказать, что у меня, попросту говоря, очко игрануло? – попытался было изобразить ущемленное самолюбие Кудряшов, но, перехватив ироничный взгляд Назарова, заметно сконфузился. И как-то весь пыл его в один момент иссяк. – Да было дело. Чего там...

– У него, как я понимаю, где-то лагерь совсем рядом, – сглаживая возникшую неловкость, без паузы продолжил Назаров. – С собой ведь ничего, кроме автомата. Даже вещмешка нет. Как будто выскочил на часок налегке поохотиться.

– Слушай, Михалыч, а что это за ствол у него такой? Я что-то первый раз вижу. С глушаком, но без оптики? Точно не охотничий.

– Да, наверно, какая-то новая военная разработка. Я тоже не в курсе. Только на вояку он явно не тянет. Хотя кто его знает? Теперь их столько развелось. И не только государевых. У каждого толстосума своя армия.

– Но, если лагерь, то он наверняка там не один засталбился?

– Вполне вероятно. А сколько их там – мы с тобой пока не знаем. Только гадать можем. А потому... прежде, чем нос туда совать, надо все продумать самым доскональным образом...

– Так ты все-таки со мной согласен? – встрепенулся Кудряшов. – Убедил я тебя, да, Михалыч?

– Да меня и убеждать-то не нужно, Борь. Это же само собой разумеется. И дело тут не в какой-то там детской обиде. Нам необходимо, по крайней мере, аккумуляторы от радиостанций вернуть. Они у нас по учету проходят. И не в моих правилах такие царские подарки кому-то делать. Да и без связи мы с тобой теперь как без рук. Даже мужикам в заповедник отзвониться не можем. А ведь нам еще работать.

– Согласен, Михалыч. Так когда двигаем?

– Не торопись, Борь. Естественно, не сейчас. Пусть он окончательно успокоится. Убедится в том, что мы у него на пятках не висим. Давай-ка еще отойдем подальше. Где-нибудь в сторонке костерок разобьем. Пообедаем. А там все как следует и обмозгуем, чтобы ничего сгоряча не напортачить.

– Принято, Михалыч! Давно пора червячка заморить. У меня уже сосет под ложечкой.

Отошли. Развели небольшой неприметный костер. Накоротке обивачились. Запросто можно было и чайку заварить, и кулешок сварганить. Все для этого было в наличии – и котелок, и концентрата всякого в достатке. Но,

перекинувшись парой слов, отказались от этой затеи. Не ко времени, да и настроение не то.

Кулешов достал из рюкзака завернутый в газету увесистый шмат соленого сала, пару луковиц, банку консервов. Глядя, как Назаров выгружает из своего безразмерного «сидора» и методично по-хозяйски раскладывает на «столе» разнокалиберные пластмассовые контейнеры со всевозможными закусками, не удержался от комментариев:

- Вот умеет же твоя Аннушка, шеф, тебе красиво потрафить. Моя ж, зараза, не такая. Сама никогда не сообразит, что мужу путного в дорогу собрать. Пока носом ее не тыкнешь – ни за что не пошевелится.

- Так ты бы поменьше, Боря, по бабам бегал. Глядишь, и осчастливит.

- Да, есть такое дело, Михалыч. Сознаюсь. Ну не могу я, понимаешь, хорошую бабенку мимо себя пропустить. Как увижу – сразу в жар бросает. Так все в груди и сжимается. Да и что ее, дуреху, не пожалеть-то, особенно, когда одинокая? От меня же не убудет.

- Смотри не надорвись только. Пупок не сточи раньше срока.

- А вот когда мне стукнет столько, сколько тебе – тогда и буду осторожничать. А пока вроде рановато, – сказал и без всякого перехода спросил, распустив безмятежную улыбку: – Ты как думаешь, Михалыч, чего он тут шарахается? За двести километров от жилья? Да и если лагерь? Зимовья тут нигде поблизости точно нет, судя по карте. Да и дорог вообще никаких... На снегоходе тоже вроде рановато – наст еще толком не стал. А?

- Слышал я вроде, кто-то в управлении мне говорил, что где-то в этом районе какую-то стройку капитальную развернули...

- Рядом с заповедником? В глухой тайге? Стройку?

- И что тут удивительного, Боря? У наших нуворишей – свои загребы. И почему бы им в таком случае подальше от людских глаз, в этой первозданной глухомани, не отгрохать себе какую-нибудь шикарную фазенду, чтобы с

балкончика красотой любоваться? Что им мешает?

– Нет, это, конечно, можно, если у тебя бабок немерено. Кто бы спорил? Но какой смысл, скажи ты мне, им здесь летом мошку да комарье кормить? Что за дурацкая причуда? Здесь же этой твари летучей – просто тьмища. Сплошь вдоль подножия хребта одни болота. Да еще клещей, как листьев, на каждом кусте.

– Да придумают что-нибудь. На худой конец, репеллентиком попрыскают с вертушки. Или еще чего. Это же все мелочи, Боря. Сам же говоришь – если денег куры не клюют.

– Ну, могут, конечно, согласен...

– Вот оттуда, вполне вероятно, они и пришли.

– Тогда, Михалыч, получается, что это дворянское гнездышко от нас сейчас не особо далеко? Да что там? Совсем под боком, совсем близко? Максимум в паре дневных переходов?

– Похоже, что так... Скорее всего.

– Ну, туда нам, ясное дело, путь заказан – ни за что не пропустят. Да и запросто можно вообще без башки остаться. Кто его знает, сколько их там обретается... Выходит, одна у нас надежда – где-то в тайге их накрыть. И побыстрее, пока обратно не слиняли? Тогда, Михалыч, поспешить бы надо? А вдруг они уже назад намылились?

– Не надо, Боря, никуда спешить. Любая спешка – ты сам знаешь... И вообще – я так думаю – давай-ка сегодня уже, на ночь глядя, никуда не пойдем. Очень рискованно. А пойдем за пару часиков до рассвета. Думаю, их табор отсюда – в паре часов спокойной ходьбы, не дальше, исходя из того, что он совсем налегке на охоту отправился. Поэтому, я думаю, вполне успеем взять их еще тепленькими, пока глаза не продрали. И это, Боря, – самый логичный вариант. Вот так мы с тобой и поступим. Понял?

– Как скажешь, шеф. Как скажешь. Тебе виднее. Только, чтоб потом не пришлось нам локотки кусать. Это еще бабка надвое сказала, что они на ночевку в лесу

останутся.

- Ну и отлично, Борь. Добро, - прекращая грозящие надолго затянуться пустые словопрения, твердо подытожил Назаров. - Вот так тогда и порешаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Морок - затяжное ненастье (мест.).

2

Добрать - найти и убить подраненного зверя (охотн. сленг).

3

Бутарить - вести добычу золота и драгоценных камней с помощью бутары - примитивного промывочного станка.

4

«Холодный» кержак – старообрядец по крещению, не признающий предписанных верой строгих самоограничений.

5

Лудёва – специальное, иногда в несколько километров длиной, заграждение из поваленных деревьев, предназначенное для ловли животных. На ее протяжении – несколько специально оставленных узких проходов с замаскированными ловчими ямами. На дне этих ям обычно – вбитые в землю заостренные на концах колья (охотн.).

6

Заложный – отвернувшийся от бога и заложивший душу антихристу кержак, сотворивший смертный грех, нарушивший заповедь «не убий», за что он навсегда отринут от общины и отпет заживо.

7

Ладанка – маленький мешочек с каким-нибудь предметом, заговором (первоначально с ладаном), носимый на груди, как талисман.

8

Бакланят – говорят (угол. жарг.).

9

Шняга – мелочь (угол. жарг.).

10

Рамсы разводить – вмешиваться не в свое дело (угол. жарг.).

11

АС «Вал» – (автомат специальный) – бесшумный автомат, стоящий на вооружении подразделений специального назначения России.

12

Брэк – браконьер (проф. сленг).

13

Пертурбация – (лат. *perturbatio* – расстройство, смятение) – гравитационное возмущение. В переносном смысле – внезапное, резкое нарушение нормального хода какого-то процесса, вызывающее замешательство, смятение.

14

Карандаш алмазный – предназначен для определения подлинности камней. Похож на обыкновенную автоматическую авторучку.

15

Каратомер веерный – простая складная конструкция из никелированной стали, с помощью которой производится измерение алмазов от 0,01 до 6,0 карата.

16

Кейп – алмаз с самым распространенным среди добываемых в мире желтоватым оттенком.

17

Фэнси – fancy – фантазийные – цветные алмазы – чрезвычайно дорогие раритетные камни.

18

Ятер – голубовато-белый алмаз.

19

Ривер – совершенно прозрачный голубовато-белый.

20

Рефрактометр – высокоточный прибор для определения оптических характеристик драгоценных и полудрагоценных камней, их идентификации (показателя преломления n , величины двойного лучепреломления и оптического знака).

21

Дисперсия – (от лат. *dispersio* – рассеяние) – разложение света.

22

Анизотропия – неодинаковость свойств среды. Например, физических: показателя преломления и скорости света.

23

Маньчжурец (маньчжурский заяц) – мелкое млекопитающее рода зайцев. Распространен на юге Дальнего Востока. Длина тела 40–55 см при весе

1,3–2,5 кг.

24

Калкан – характерная особенность взрослых кабанов-самцов – хрящевой подкожный нарост-панцирь на груди и шее.

25

Камус – кожа, снятая с ноги сохатого или изюбря.

26

Ровдуга – кожа сохатого.

27

Оморочка (берестянка) – лодка из бересты на тонком деревянном каркасе.

28

Толпыга – толстолобик (местн.).

29

Малопулька – мелкокалиберная винтовка (местн.).

30

Борикса – жирная кета со шкурой (удэг.).

31

Макори – чистое мясо кеты без костей (удэг.).

32

Ульчи – (самоназвание нани, ульча – «местные люди») – малочисленная тунгусо-маньчжурская народность, проживающая в бассейне Нижнего Амура.
Традиционные промыслы – круглогодичное рыболовство и охота.

33

Асанна – дикуша (нанайск.) – одна из редких и малоизученных птиц семейства тетеревиных, обитающая на горно-таежных участках Сихотэ-Алиня. Совершенно не боится человека, что поставило вид на грань полного уничтожения.

34

Канюк (обыкновенный) – вид хищных птиц рода «канюки» семейства ястребиных.

35

Пудя – дух-хозяин огня и домашнего очага (ульчск.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sergey-zverev/obryad-na-krovi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)